МОРСКОЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

УЧЕНАГО ОТДѢЛЕНІЯ МОРСКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

Редакторъ, Капитанъ 1-го ранга Н. Зеленой 2.

ТОМЪ CXIX

№ 3

Мартъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
въ Главномъ Адмиралтействѣ
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 3 МОРСКАГО СБОРНИКА.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

МОРСКАЯ ХРОНИКА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ:

Благодаря содѣйствію нашего консула, г-на Генрихсона, я заказалъ нужныя деревья въ Сирѣ; но если бы тамъ не оказалось — выпишу ихъ изъ Тріеста.

Здоровье команды вполнѣ удовлетворительно, тѣ тяжелыя работы, какія выпали ей въ эту бурную ночь, прошли, слава Богу, безъ особенныхъ жертвъ: 4 человѣка получили незначительные ушибы, но на дняхъ и остальной, оставшійся въ лазаретѣ, выпишется.

Путевыя впечатлѣнія во время плаванія отъ Вальпарайзо до Нагасаки на корветѣ «Витязь».

Грустно и тяжело было разставаться съ Вальпарайзо, не дождавшись ни отставшаго товарища путешествія нашего клипера «Изумрудъ», ни почтоваго парохода съ грузомъ душевной пищи съ давно покинутой родины.

Неумолимый долгъ требовалъ забвенія частныхъ интересовъ! Впереди у насъ была Новая Гвинея, по всему вѣроятію, не чающая дальнихъ гостей. 21 мая 1871 года, мы покинули подъ парами, большой вальпарайзскій рейдъ.

Пробѣжавъ 90 миль, мы вступили подъ паруса и направились къ острову Пасхи. Чрезъ три недѣли непостоянныхъ колебаній атмосферы, мы ложились уже въ дрейфъ вблизи острова съ поднятымъ на форъ-брамъ стеньгѣ чилійскимъ флагомъ. Шлюпка съ полунагими рапануйцами первая привѣтствовала нашъ приходъ.

Съ шумомъ приставала она, управляемая раздирающими криками двухъ европейскихъ выходцевъ, живущихъ между собою какъ кошка съ собакой, что вскорѣ трудно было не замѣтить, по завистливымъ взглядамъ англійскаго мэта, бросаемымъ со шканецъ на товарища своего, словоохотливаго французика, разсыпающагося на мостикѣ передъ капитаномъ. Изъ ихъ словъ узнали мы объ имени ихъ хозяина, достопочтеннаго м-ръ Брандера, резидентствующаго на островѣ Таити, что послѣднему принадлежитъ и этотъ островокъ (de facto), что завоевалъ онъ его презрѣннымъ металломъ, что сами они, мэты съ разбившихся судовъ, управляютъ его имуществомъ,

состоящимъ главнѣйшимъ образомъ изъ 1000 головъ барановъ, грузы шерсти съ которыхъ, отправляютъ они въ Вальпарайзо, на судахъ нарочно заходящихъ за ней отъ 2 до 3 разъ въ годъ; что, кромѣ того, занимаются они мѣновой торговлей съ пріѣзжими островитянами и держатъ для того небольшой сторъ, и что нѣмецъ приставшій на отдѣльной шлюпкѣ состоитъ тоже въ ихъ распоряженіи. Какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ горемычный тріумвиратъ! Уединенная, монотонная, островская жизнь, среди всевозможныхъ испытаній и лишеній, подъ страхомъ нападенія сосѣднихъ островитянъ, повліяла весьма грустно на ихъ характеры: франко-прусская война, возбудила полную ненависть между разношерстными выходцами, сдѣлавъ ихъ желчными и раздражительными.

Видно, что гложущіе ихъ черви, не даютъ имъ минутнаго покоя, подобно тѣмъ истребляющимъ всѣ ихъ посѣвы, жаднымъ крысамъ, на которыхъ они такъ сильно ропщутъ. Несчастнымъ туземцамъ подчасъ, за недостаткомъ насущнаго, приходится потреблять тѣхъ же самыхъ крысъ въ пищу. Судьба видимо выживаетъ ихъ съ этого острова, пустыннаго, гористаго, и лишеннаго всякой растительности, такъ что большинство рапануйцевъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, охотно покидаютъ его, переселяясь изъ подобной каторги на сосѣдніе острова. Самъ м-ръ Брандеръ, руководимый девизомъ *«take-money»* сильно жаждетъ спасти своихъ овецъ отъ губителей и хищниковъ рапануйскихъ; съ помощью католическаго миссіонера, онъ предпринялъ ихъ выселеніе на другіе острова и благополучно уже переселилъ на свои плантаціи въ Таити и на Мангаревы до 200 человѣкъ.

Говорятъ, что въ короткое время, христіанская проповѣдь такъ сильно подѣйствовала на сердца туземцевъ, что большинство бросаетъ дома и слѣдуетъ всюду за уважаемымъ падре. И м-ръ Брандеръ подобнымъ актомъ выселенія совершаетъ два добрыя дѣла: спасаетъ овецъ своихъ отъ когтей рапануйцевъ и спасетъ послѣднихъ отъ язычества. Если осуществится его предпріятіе, то въ короткое время,

всѣ туземцы будутъ имъ выселены на сосѣдніе острова. Предъ уходомъ, мы, однако, снабдили европейцевъ чѣмъ могли, французскими и англійскими журналами и сигарами, а съ туземцами подѣлились бѣльемъ, шапками, различными бездѣлушками и разстались съ ними дружелюбно, пожелавъ имъ всего лучшаго.

Островъ Питкернъ.

Послѣ 2-часовой остановки, безъ особеннаго сожалѣнія, оставили мы Пасху и направились къ острову Питкернъ.

19 іюня, вечеромъ, какая-то темная неопредѣленная масса предстала нашему взору. Подойдя ближе легли въ дрейфъ и зажгли фалшфейеры. Ярко прогорѣли они съ шумомъ и трескомъ, освѣщая физіономію «Витязя». Тщетны были усилія ночнаго гостя, вызвать какое-либо живое существо изъ погруженнаго въ сладкую дремоту острова. Разсвѣло! Не видя живой души и съ разсвѣтомъ, мы на минуту усумнились въ его обитаемости. Ужъ не выбрались ли его поселенцы на одинъ изъ сосѣднихъ острововъ думалъ я? Былъ же подобный случай, въ 1859 году. Кому неизвѣстна исторія Питкерна, тому смѣю предложить описаніе Гардвига, иначе бы и мнѣ пришлось, за неимѣніемъ лучшаго источника. черпать изъ него же, для ознакомленія съ нимъ любознательнаго читателя. Все же, что отъ меня будетъ предложено, это—нѣсколько словъ о настоящемъ его положеніи. И такъ, видя, что ни одно живое существо не откликается на наши заявленія, мы заблагоразсудили сами съѣхать на берегъ и послѣ подъема флага, вельботъ съ желающими отвалилъ. Спустя нѣкоторое время, все вниманіе наше было поглощено, первыми суетливыми движеніями затронутаго муравейника. Конкурируя въ проворствѣ, колонисты спускали свои челночки и выѣзжали къ намъ на встрѣчу, приглашая насъ на англійскомъ діалектѣ высадиться на берегъ. Выжидая удобнаго момента, мы всѣ, поголовно, на разныхъ челночкахъ выбрасывались на берегъ, оставя вельботъ нашъ на дрекѣ, за невозможностью пристать на немъ. Подобная вылазка

напоминала намъ островъ Мадеру. Толпа любопытныхъ обоего пола, встрѣтила насъ съ радостными возгласами, чуть ли не въ распростертыя объятія. Они крѣпко жали намъ руки и дружески трясли ихъ, повидимому, отъ чистаго сердца.

Видно было, что подобныя посѣщенія вписываются, какъ эпохи, въ ихъ лѣтописи—такъ ихъ оживило и порадовало наше неожиданное посѣщеніе. Впечатлѣніе, вынесенное съ этого острова, было самое утѣшительное. Съ перваго же шага, водворилась между нами, нѣкотораго рода интимность въ отношеніяхъ. Предводительствуемые и сопутствуемые оживленными жителями, мы направились къ ихъ деревнѣ. Подымаясь по горной тропинкѣ густаго лѣса, мы, благодаря ихъ чистосердечію, познакомились съ ихъ интересами. Мнѣ необыкновенно нравилось простодушіе, съ какимъ они высказывались передъ совершенно для нихъ незнакомыми личностями. Своей обворожительной простотой, они напоминали первобытный міръ. Правда, мы нашли здѣсь не больше 70 душъ, но души эти принадлежали именно тѣмъ 10 семействамъ, которые не вынесли перваго переселенія на *Норфолькъ* (переселенія, случившагося нѣсколько лѣтъ назадъ, за ограниченностью жизненныхъ продуктовъ для расплодившагося населенія) и съѣдамые тоскою по родинѣ, вернулись назадъ, отдѣлившись отъ своихъ соотчичей. Въ простодушной и теплой бесѣдѣ мы незамѣтно дошли до ихъ стана. На ровной площадкѣ, съ артистическою небрежностью въ группировкѣ и съ гармоніей цѣлаго, раскидывалось селеніе; зданія съ виду походили на просторные сараи съ тянущимися посреди нарами; конецъ зданія представлялъ чистую отгороженную для хозяина свѣтелку. Всюду привѣтствовала насъ скромность и чистота. Колонисты, можно сказать, благоденствуютъ. Нѣжная баловница природа, кормитъ ихъ раздушенными бананами и сочными апельсинами. Кокосовыя пальмы и хлѣбные деревья отвѣчаютъ ихъ самымъ насущнымъ потребностямъ. Дребезжащее блеянье, сердитое хрюканье и рѣзкое, хвастливое кудахтанье и кваканье, свидѣтельствуютъ сами за себя на всевозможные лады, представляя новую дисгармонію въ частностяхъ и одну

шумную, животрепещущую гармонію цѣлаго. Миръ, тишина, благоденствіе и изобиліе плодовъ земныхъ, видимо пребываютъ на жителяхъ Питкерна, благодаря вѣрѣ въ Промыслъ, одушевляющей ихъ и взаимной дружбѣ и любви между собою. Для службы въ единственной церкви, ежегодно выбираютъ они изъ своей среды пастора, которому на это время вмѣняется въ обязанность, кромѣ церковныхъ службъ, завѣдываніе дѣтской школой и исполненіе всѣхъ христіанскихъ требъ. Это, въ полномъ смыслѣ слова, монастырь общества трезвости, такъ называемыхъ янками belonging to the Church. Къ вину они чувствуютъ полное отвращеніе, къ табаку, со всѣми искусительными его проявленіями тоже, хотя бы то и другое, могли они легко получать съ заходящихъ на островъ судовъ. Даже и въ деньгахъ-то они не нуждаются. И зачѣмъ имъ этотъ презрѣнный металлъ, когда природа такъ щедро ихъ балуетъ, что наша цивилизованная истина: кому ненужны деньги? здѣсь не къ мѣсту и нельзя вдоволь налюбоваться на ихъ житье-бытье и восторженно не воскликнуть—«*блаженъ кто вѣруетъ: тепло тому на свѣтѣ*».

Правда, что у нихъ случается недохватъ въ одеждѣ и, въ благодарность за ихъ радушіе, гостепріимство и полный вельботъ банановъ и апельсиновъ, мы съ удовольствіемъ подѣлились съ ними иголками, нитками и кое-какой одеждой.

Такъ вотъ какъ поживаютъ, скромные англійскіе выходцы, вдали отъ треволненій цивилизованнаго міра!.. На искусно выдолбленныхъ челнокахъ, выѣзжаютъ они на рыбную ловлю и живутъ-себѣ припѣваючи. Горячо пожавъ имъ руки и поблагодаривъ за радушный пріемъ, мы отправились на корветъ, взявъ на буксиръ двѣ душегубки. Одинъ изъ проводниковъ нашихъ былъ Россель, внукъ знаменитаго Адамса. По прибытіи на судно, онъ вызвался доставить намъ свѣжую провизію, почему вельботъ и шестерка снова были отправлены на берегъ. Лоцманомъ одной изъ нихъ былъ Россель. Туземцы пораженные нашимъ вторичнымъ съѣздомъ, несказанно обрадовались и несмотря на воскре-

сенье, работали для насъ съ большимъ удовольствіемъ; наперерывъ другъ передъ другомъ удѣляли они, что только могли, изъ своихъ хозяйствъ. Воспользовавшись пріемкой и нагрузкой живности и зелени, мы зашли еще разъ въ одно изъ зданій, гдѣ собравшіеся островитянки дирижируемыя симпатичнымъ баритономъ пастора, звучно пропѣли намъ одну изъ своихъ молитвъ, мелодичное пѣніе которой, глубоко запечатлѣлось въ сердцахъ разстающихся съ ними (и, вѣроятно, навсегда) слушателей, послѣ минутнаго знакомства. Въ свою очередь и мы, склоняясь на ихъ просьбы, дали имъ весьма поверхностное понятіе конечно, о нашемъ хоровомъ пѣніи. Къ 6 часамъ вечера, мы вернулись на корветъ, сопутствуемые тѣмъ же Росселемъ. За прощальнымъ столомъ, послѣдній, со слезами на глазахъ, обошелъ всѣхъ насъ для крѣпкаго Shake-hands, повторяя отъ души: I will never forget my friends! Эти слова закрѣплялъ онъ восторженнымъ поднятіемъ руки до бимса и медленнымъ опусканіемъ ея до скамейки. За тѣмъ мы дружески распростившись съ нимъ, снялись съ дрейфа. На челнокахъ, выстроенныхъ въ линію фронта раздалось послѣднее ура. Мы отвѣтили тѣмъ же и, оторвавшись отъ Питкерна, побѣжали на Мангаревы.

Острова Мангаревы (Manga-riva).

25-го іюня, на горизонтѣ стали выясняться предъ нами двѣ плотно сдвинуться головы—Дуфа. Группа Мангаревыхъ состоитъ изъ порядочной семейки вулканическаго характера, а именно: изъ одного уже вполнѣ мужественнаго произведенія природы и 8-ми подростковъ малъ мала меньше, охваченныхъ цѣпью крупныхъ коралловыхъ рифовъ и одѣтыхъ живописною зеленью. Изъ трехъ воротъ, ведущихъ въ лагуну, мы избрали ворота Бичи, опредѣленныя створомъ горы Дуфа съ островомъ Акамару.

Лоцманъ, приставшій къ намъ, былъ весьма хрупкій и щедушный старикашка, костюмированный европейцемъ, неистово жующій табакъ и бѣгло тараторящій по французски. Гребцы его, широкоплечіе, коренастые канаки, покрытые

распашными рубахами, попрыгали за нимъ на палубу и размѣстились по борту въ позахъ, нелишенныхъ натуральной граціи этой крѣпкой и ловкой расы. Одинъ изъ нихъ быстро вскарабкался на утлегарь и оттуда принялся выкрикивать звонкимъ голосомъ, направленіе банокъ, что репетировалось его соотчичами, стоящими по борту. Фарватеръ шелъ извилисто; сама лагуна была усѣяна коралловыми банками. Несмотря на шаткія познанія пріятеля, мы съ возможной осторожностью миновали всѣ препятствія и бросили якорь на глубинѣ 25 саженъ. Стая слетѣвшихся канаковъ, съ комичной таинственностью, осторожно, развязывала навезенныя съ собою тряпички, съ сильнымъ намѣреніемъ искусить неопытныхъ пришельцевъ, жемчужными раковинами, весьма посредственнаго достоинства. Такъ какъ время ловли еще не наступило, то они запрашивали за нихъ такія деньги, что проходила всякая охота къ пріобрѣтенію туземныхъ драгоцѣнностей, между которыми, впрочемъ, попадались и хорошіе экземпляры, но очень мало. Недостатокъ конкурренціи, понятнымъ образомъ возвышалъ цѣну. Мѣновая же торговля была утѣшительнѣе; набрасываясь съ жадностью на бѣлье н. п., они промѣнивали лучшіе свои экземпляры за пару сорочекъ и склянку одеколона (вѣроятно чтобы плѣнить сердца милыхъ туземокъ).

Спустя нѣсколько часовъ, мы съѣхали па берегъ, гдѣ, вдоль длинной и каменной пристани, встрѣтила насъ группа канаковъ съ различными привѣтствіями и услугами. Сопутствуемые ими, мы прошли черезъ каменную арку отдѣляющую пристань отъ селенія, и вступили въ тѣнистую аллею хлѣбныхъ деревъ и кокосовыхъ пальмъ. Аллея эта привела насъ въ туземный дворецъ, гдѣ обитала молодая королева, къ которой мы и явились, чтобы засвидѣтельствовать ей наше почтеніе. Мы вошли въ небольшую свѣтленькую комнатку— болѣе похожую на уютную келью смиренной отшельницы, нежели на роскошный покой королевы. Въ самомъ углу, висѣло католическое распятіе; вся меблировка кельи состояла изъ простыхъ плетеныхъ стульевъ и скамеекъ, покры-

тыхъ шерстяными шалями. Молодая королева покоилась за небольшимъ столикомъ, покрытымъ бѣлою пикейной салфеткой безукоризненной чистоты, въ весьма скромномъ, но уютномъ креслѣ. Изъ всей ея смуглой внѣшности, нельзя было не обратить особеннаго вниманія на ея выразительные глаза, зубы какъ перлы и черные, какъ смоль волосы, вьющіеся по плечамъ, одѣтымъ просторной ситцевой блузой. Вотъ вамъ и вся роскошь, бросающаяся въ глаза, изъ всей окружающей ее скромной обстановки! Портреты папъ, выглядывая изъ весьма посредственной рамки, заключали собой всѣ достопримѣчательности этой чистенькой кельи. Возлѣ нея, въ синемъ камзолѣ съ морскими пуговицами, стоялъ одинъ изъ вельможъ ея двора украшенный спокойной улыбкой и фуражкой съ золотымъ околышкомъ. При нашемъ внезапномъ появленіи, она привѣтливо привстала, пожала намъ руки и сдѣлала знакъ рукой, приглашающій къ сидѣнью. Королева, не владѣя никакимъ другимъ языкомъ, кромѣ родного, хранила глубокое молчаніе. Посидѣвши съ долгую минуту въ мертвой тишинѣ, какъ передъ дальней дорогой, мы вдругъ поднялись и, снова напутствуемые пожатіями, смиренно удалились. Власть королевы забрана въ руки миссіонеровъ а отсутствіе всякой административной дѣятельности позволяетъ ей наслаждаться лѣнью. Падре Никлэсъ не даромъ же болѣе 30 лѣтъ освѣщаетъ путь ко спасенію туземцевъ. Тонко развитый умъ этого человѣка и доброе его сердце завоевали и подчинили ему болѣе полутора тысячъ человѣкъ. Падре Никлэсъ—общій другъ и фаворитъ всего населенія. Въ виду бѣлокаменнаго дворца, на небольшомъ возвышеніи, стоитъ каменная церковь, весьма простой архитектуры. Алтарь ея украшенъ перламутровыми цвѣтами. Полъ плитняковый. Вправо отъ нея, на высотѣ нѣсколькихъ ступенекъ, тянется вдоль берега, версты на 2½, широкая аллея апельсиновыхъ деревьевъ и кокосовыхъ пальмъ, по сторонамъ которой, тамъ и сямъ, разбросано нѣсколько деревянныхъ строеній; самое же селеніе начинается въ 30 шагахъ отъ церкви съ лѣвой стороны. Между шалашами хвастливо торчатъ домики, обшитые тесомъ, до-

бытымъ вѣроятно съ недавно разбившагося, чилійскаго барка. Рѣзко выдѣляются они своимъ европеизмомъ отъ массы бамбуковыхъ шалашей, нелишенныхъ, впрочемъ, нѣкоторой граціи въ своихъ контурахъ и своеобразной натуральной прелести. Здѣсь кстати замѣтить, что въ стволахъ этихъ бамбуковъ, роятся преуморительныя летучія мыши, которыя днемъ спятъ стежившись, а послѣ вечерней зари вылетаютъ на свои ночныя экспедиціи, оглашая воздухъ особеннымъ стрекотаньемъ. Любознательный туристъ удостовѣрится въ этомъ, если попроситъ туземца пошевелить въ стволѣ бамбука тросточкой или, просто, безцеремонно нарушитъ ихъ дневное спокойствіе, вытолкнувъ ихъ на подложенный листъ бумаги. Крошечныя созданія, внезапно растревоженныя, неуклюжими движеніями, выразятъ вамъ свое минутное неудовольствіе и снова сейчасъ же погрузятся, до вечерней зари, въ непробудный сонъ.

Пейзажъ оживлялся хозяйками каначками цвѣта café au lait, сгруппированными надъ стряпней насущнаго изъ плодовъ хлѣбнаго дерева. Противъ церкви выставлялся каменный домикъ общаго фаворита приголубленный тѣнью прехорошенькаго садика. Падре Никлэсъ благодатью Всевышняго, преобразилъ дикихъ пантеръ въ скромныхъ ягнятъ. Лучь божественной истины, проникнувъ до глубины души людоѣдовъ, указалъ имъ на истинный, глубокій смыслъ творенія и пріобщилъ ихъ къ одному огромному христіанскому стаду. Благотворное вліяніе христіанства, уже выразилось у нихъ основаніемъ школы для 140 приходящихъ мальчиковъ и 60 дѣвочекъ. Свѣтъ Христовъ, не уничтожилъ въ нихъ природной чувственности, не искоренилъ зла, но прочеркнулъ рѣзкую черту между добромъ и зломъ и посѣялъ въ воспріимчивыхъ сердцахъ туземцевъ сѣмя надежды на раннюю, или позднюю побѣду разума надъ чувственностью, а главное, научилъ ихъ любить Бога и ближняго—основаніе всякаго условнаго благоденствія на землѣ. Въ 2 миляхъ отъ селенія, подымается женскій монастырь, входъ въ который, какъ говорили намъ, запрещенъ.

Не знаю на сколько достовѣрна легенда, блуждающая на крыльяхъ скандальной хроники, о невоздержаніи и паденіи 90% послушницъ, нарушившихъ въ одинъ тяжкій годъ испытанія обѣтъ цѣломудрія. Въ настоящее время монастырь, очищенный отъ плевелъ, остается на рукахъ 10 избранныхъ дѣвъ, уцѣлѣвшихъ отъ общаго искушенія. Къ этимъ послѣднимъ ходятъ учиться молоденькія дѣвочки для приготовленія ихъ къ этому сану. Какъ-то гуляя и проходя мимо монастыря, любознательность ввела насъ за его ограду, но тамъ мы никого не застали; монахини гуляли съ дѣтьми.

Монастырскія зданія очень невелики, состоятъ изъ небольшой церкви, надъ которой въ двухъ келіяхъ помѣщаются инокини. На обширномъ дворѣ, пораженная внезапнымъ появленіемъ незванныхъ гостей, провожала насъ изумленными глазами огромнѣйшая свинья, привязанная къ дереву за лѣвую ногу. Дворъ оживлялся рѣзвыми прыжками козъ и бѣготней кроликовъ. Ограда имѣетъ двѣ калитки, изъ которыхъ одна заперта на замокъ и ключь отъ нея хранится у падре Никлэса. Болѣе интересныхъ подробностей, къ несчастью, по кратковременности пребыванія нашего въ монастырѣ, сообщить не могу; но мнѣ кажется достаточно одной внѣшней обстановки, чтобы судить о настроеніи ея обитателей, если обстановка эта не искуственно подготовлена, чтобы обмануть самаго тонкаго наблюдателя. Не даромъ же природу называютъ книгой жизни, страницы которой исписаны живыми іероглифами, представителями всевозможныхъ оттѣнковъ, той или другой страсти. Вблизи монастыря лежитъ небольшая деревушка, не имѣющая никакихъ особенностей. Всюду куда бы мы ни пошли, сопровождала насъ толпа любопытныхъ канаковъ, оставя своихъ женъ копошиться за стряпней хлѣбнаго плода. Способъ приготовленія послѣдняго слѣдующій: въ вырытой ямѣ, раскаливаютъ камни посредствомъ сжигаемаго хвороста, на нихъ кладутъ количество хлѣбныхъ плодовъ, сообразно ея вмѣстимости, потомъ уже закладываютъ ея банановыми листьями и прессуютъ слоемъ каменьевъ. По испеченіи, вынимаютъ и употребляютъ въ пищу. Мякоть плода имѣетъ вкусъ сладкаго карто-

феля; приготовленіе же тѣста производится немного иначе. Предварительно выложивъ дно ямы каменьями, стелютъ на нихъ банановые листья въ нѣсколько рядовъ; за тѣмъ, очистивъ мякоть отъ зеленой корки, наполняютъ мякотью этой яму и оставляютъ ее бродить и киснуть. Черезъ трое сутокъ, по достаточномъ ея размягченіи, мнутъ ее руками, пополняютъ новой и оставляютъ ее въ такомъ положеніи еще на нѣсколько сутокъ, послѣ чего и вынимаютъ какую то тягучую массу, свѣтло-желтаго цвѣта, и раскладываютъ ея на лотки.

Подобнаго рода тѣсто замѣняетъ имъ хлѣбъ. Такъ какъ миссіонеръ съ о-ва Пасхи, переселился на Мангаревы, то онъ занялъ мѣсто падре Барнабе, помощника падре Никлэса. Въ уваженіе къ его многолѣтнимъ трудамъ, миссіонеры обратились съ просьбой къ нашему капитану, перевезти его на о-въ Таити. 29 іюня, день Петра и Павла, на мгновеніе перенесъ насъ на родину; мы пировали на верху въ оживленной бесѣдѣ за имяниннымъ столомъ; 30, утромъ явился лоцманъ и пріѣхалъ съ своимъ скарбомъ преоригинальный старикашка, очень низенькій, въ пасторскомъ одѣяніи и съ шапочкой на головѣ. Это и былъ ожидаемый нами падре Барнабе. Понятно, что онъ насъ морилъ со смѣха и своей юмористической наружностью и преоригинальной походкой: маленькій 65 лѣтній старикашка совершенно путался въ полахъ своего чернаго халата. Шлепанье его туфлей напоминало походку альбатросовъ. Вся же фигурка его смахивала на черномора въ «Русланѣ и Людмилѣ». Привилегированнымъ гнѣздышкомъ достопочтеннаго падре была бухта грота-шкота, въ которой онъ такъ уютно совмѣщался, подобравъ полы своего халатика, и утопалъ за чтеніемъ Библіи. Но трудно не искуситься при видѣ веселой и оживленной молодежи. И вотъ père Barnabée долго крѣпится и вдругъ прорывается, затягивая потихоньку мальбрука преоригинальнымъ южнымъ акцентомъ. Достопочтенный падре жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Мечты его посѣтить Вальпарайзо, гдѣ у него были родные и знакомые, разлетѣлись по прибытіи на Таити, гдѣ, по не-

предвидѣннымъ для него обстоятельствомъ, епископъ нашелъ *именно его присутствіе необходимымъ* и оставилъ бѣднаго падре при миссіи еще на три года.

Таити.

Зеркальная бухта Папіети, окруженная ниткой коралловыхъ рифовъ, не обманула насъ своимъ величавымъ спокойствіемъ въ продолженіе 11-ти-дневной стоянки, доставившей намъ глубокое и пріятное впечатлѣніе. Читатель быть можетъ упрекнетъ меня въ излишней впечатлительности, но, вѣдь, самая стихія наша, съ своими прелестями и лишеніями, тысячами различныхъ ощущеній, дѣйствуетъ такъ благодатно на натуру моряка, обновляя ежеминутно все его существо своею необыкновенною свѣжестью, что подобная чуткость, проявляющаяся въ воспріятіи впечатлѣній, можетъ показаться сомнительной, только человѣку, вполнѣ пресыщенному и окончательно утратившему всякій вкусъ; для наѣвшагося соли все кажется прѣснымъ и безвкуснымъ. Кромѣ того девятидневный переходъ съ Мангаревыхъ достаточно способствовалъ къ развитію той чуткости ощущеній, въ которой кроется секретъ живой души и дрожь якорной цѣпи, возмутивъ зеркальную поверхность, внезапно отозвалась подобною же дрожью въ сердцѣ.

Мы очутились въ обществѣ *Sybille*, *Hamelin* и *Santa-Mary's*, встрѣтившихъ насъ радушными привѣтствіями моряковъ. Отъ лицъ, приставшихъ къ намъ на шлюпкахъ съ поздравленіями благополучнаго перехода, мы узнали, что французскій парусный транспортъ *Sybille* покидаетъ насъ на слѣдущій день для слѣдованія въ Тулонъ. Эгоистично обрадованные подобнымъ извѣстіемъ, мы передали на него всю нашу корреспонденцію, заготовленную на пути. Паровому же французскому авазо—*Hamelin* и американскому шлюпу *Sta-Marys'*, суждено было не только обмѣняться съ нами задушевными тостами, но и окончательно сойтись въ поѣздкѣ на хлопчатобумажныя плантаціи, принадлежащія м-ру Брандеру. Послѣдній привѣтствовалъ нашъ приходъ въ тотъ же день, очень

любезнымъ приглашеніемъ къ себѣ на вечеръ. Вечеръ этотъ прошелъ весьма пріятно, благодаря радушію почтеннаго хозяина, милому вниманію прекрасной его половины, Липляпу (*) королевской крови, веселымъ и рѣзвымъ ихъ дѣткамъ и въ особенности привлекательности и обаянію юныхъ дочерей, только что воротившихся изъ Лондона по окончаніи воспитанія. Мы живо ознакомились съ туземнымъ *beau monde*, во главѣ котораго стояли повѣренный Брандера, и другъ-дома молодой ирландецъ, нѣсколько каначекъ, плохо говорящихъ по-англійски, американцевъ, столько же смыслящихъ по-канацки, французскій губернаторъ съ своимъ штабомъ да нѣмецъ съ супругой. Появленіе наше на минуту обратило исключительное вниманіе хозяевъ и гостей и любопытные взоры молодаго поколѣнія. По обмѣнѣ взаимныхъ любезностей водворилась оживленная бесѣда; за ней пошли танцы, за которыми было забыто все—и небо и море.

Мудрено ли, что морякъ, принужденный часто дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ минуты, незамѣтнымъ образомъ, впадая изъ одной крайности въ другую, дѣлаетъ изъ своей жизни одну безпрерывную цѣпь отрадныхъ и тяжкихъ ощущеній, и весь существенный интересъ его жизни объясняется всего тремя словами: *встрѣтились, сошлись, разошлись*!

Поѣздка на плантаціи, въ шарабанѣ, съ новорожденными пріятелями-американцами, не прошла тоже безъ сильныхъ ощущеній.

Нѣтъ сомнѣнія что мѣстность Папіети дѣйствительно интересна, растительность художественно-прекрасна, но на извилистомъ пути, проходящемъ у подножія скалъ, почти отвѣсныхъ, ѣхать было несовсѣмъ безопасно отъ тяготѣвшихъ надъ головами дикихъ каменьевъ; какой-нибудь изъ шальныхъ, оборвавшись, могъ такъ испугать лошадей, что онѣ могли бы легко разбить насъ въ дребезги, или же опрокинуть въ обрывъ такъ непривѣтливо подставленный, что называется, подъ самую ножку.

(*) Липляпомъ называется 1-ая смѣсь европейской съ туземной кровью.

По дорогѣ сдѣлали маленькій крюкъ, чтобы полюбоваться огороженнымъ тамариндомъ, посаженнымъ еще Кукомъ. На плантаціяхъ большинство работниковъ—китайцы. Эти неутомимые труженики, быстро распространяясь по всему міру, грозятъ, рано или поздно, окинуть его такой сѣтью, изъ которой трудно будетъ вырваться, особенно ремесленникамъ. Упадокъ нравственности будетъ неминуемымъ послѣдствіемъ поглощенія нашихъ матеріальныхъ средствъ этой соблазнительной китайской губкой. Они уже выселились въ Америку, въ Австралію, Семипалатинскую область и Владивостокъ, и никто не можетъ выдержать съ ними конкурренціи въ дешевизнѣ, вслѣдствіе ихъ усидчивости, искусства, проворства въ механическомъ трудѣ и необыкновенной оборотливости. А на жизненномъ поприщѣ, большею частью, самыя высшія духовныя силы человѣка, находятся въ грубой зависимости отъ утонченнаго матеріализма, развитаго до возможной изящности. Переселенцы съ о-ва Пасхи, знакомые намъ рапануйцы и канаки, дополняютъ колонію. Хлопокъ вывозится отсюда самаго высшаго достоинства въ Сидней и Санъ-Франциско, на судахъ принадлежащихъ м-ру Брандеру владѣльцу плантацій.

Черезъ нѣсколько дней, мы приготовились къ новой поѣздкѣ въ деревню Папара, резиденцію королевы, лежащую въ 30 миляхъ отъ Папіети; тамъ былъ объявленъ праздникъ по случаю открытія вновь воздвигнутаго зданія для народнаго конгреса. Такъ какъ, большинство народонаселенія спѣшило на этотъ праздникъ, то намъ стоило величайшаго труда, добыть себѣ сколько-нибудь сносный экипажъ для поѣздки. Наконецъ, съ разсвѣтомъ назначеннаго дня, мы тронулись въ путь въ восьми мѣстной линейкѣ, запряженной парою сильныхъ лошадей. Спустя три часа довольно быстрой ѣзды (съ перекладкой на полпути разстоянія) по живописной мѣстности, мы достигли небольшаго одноэтажнаго каменнаго домика съ выдающимся внаружу крылечкомъ, одѣтымъ легкимъ навѣсомъ. Площадка раскинутая передъ дворцомъ пестрѣла отъ праздничной костюмировки волнующейся толпы. Засвидѣтельство-

вавъ свое глубочайшее почтеніе, пожилой, но еще вполнѣ бодрой на видъ королевѣ, мы зашли въ новое зданіе, расположенное въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца. Это было подобіе просторнаго сарая, сколоченнаго изъ дерева и бамбука. Стѣны его забранныя досками до высоты человѣка, прикрѣплялись къ деревьямъ врытымъ въ землю, высота которыхъ не превышала высоту самаго зданія. По стѣнамъ былъ рядъ большихъ оконъ. Хорошо утрамбованная почва была устлана панданусами. Гирлянды изъ разноцвѣтной бахромы, искустно выдѣланной изъ коры дерева бобора—украшали столбы и стѣны. По длинѣ зданія красовались четыре длинные стола, нероскошно сервированные, но за то убранные съ большимъ вкусомъ. Цвѣточные, пирамиды съ живою зеленью и бахрома изъ коры играли не послѣднюю роль въ красотѣ цѣлаго. За перилами поперегъ зданія на небольшомъ возвышеніи красовались подобные же столы, сервированные для королевской фамиліи и другихъ пріѣзжихъ и почетныхъ гостей. Въ 11 часовъ, королева открыла шествіе подъ-руку съ губернаторомъ, за ней попарно шли дамы съ русскими и французскими офицерами; пріятели наши американцы, къ огорченію нашему, въ этотъ день снялись съ якоря и пошли въ Самуа.

Когда всѣ заняли свои мѣста, то выборный въ лиловой рубахѣ, отъ лица собравшагося народа, громогласно выразилъ благодарность за выстроенное зданіе. На его спичъ отвѣчалъ французскій губернаторъ съ поясненіями старика-канака на-отечественномъ. За тѣмъ, понятно, не произошло ничего необыкновеннаго. Послѣдовалъ обычный грохотъ ножей и вилокъ, бряцанье тарелокъ и хорошо знакомое читателю хлопанье пробокъ, что въ общемъ изображало—если не занимательную, то по крайней мѣрѣ шумную, оживленную сцѣну.

Послѣ вкуснаго завтрака, внезапно раздались дробные звуки барабана, на которые сбѣжался народъ на помянутую уже площадку, гдѣ трепетали два живые вѣнка, голубой и розовый, изъ каначекъ, въ легкихъ распашныхъ блузахъ, съ вѣнками зелени и цвѣтовъ въ черныхъ блестя-

щихъ волосахъ. Но не долго эти животрепещущіе вѣночки рисовались своей наивностью и скромностью; за дружнымъ хоровымъ пѣніемъ изъ-за пасторальной драпировки, повѣяло вдругъ страстнымъ чадомъ и зарябились и заискрились циническіе рожки духа вакханаліи и дикой пластики и взвилась на дыбы разнузданная природа, вмигъ наэлектризованная какъ-бы магическимъ пѣніемъ. Съ художественной точки зрѣнія все это, конечно, подергивалось очаровательнымъ колоритомъ; самая разнузданность выкупалась граціей; змѣиное судорожное извиванье—какимъ-то дѣтскимъ наивнымъ laissez aller! Заразительные взрывы хохота, оглашая воздухъ, экзальтировали клоуновъ къ новымъ кунштукамъ. Пляски и пѣніе прекратились около трехъ часовъ пополудни. Въ 5 часовъ, тоже на тѣхъ же столахъ, при той же обстановкѣ, при чоканьяхъ, спичахъ и плескѣ шипучки. Нужно ли еще упоминать, что танцы и пѣніе, возобновившіеся съ новою восторженностью послѣ стола, неутомимо длились до поздней ночи.

Вотъ главный и существенный характеръ всего праздника. Возвращаться на корветъ было поздно и мы остались ночевать у родственника м-ра Брандера, въ зданіи, нарочно выстроенномъ на случай, для пріѣзжихъ на праздникъ гостей. Насъ ночевало около 30-ти человѣкъ на цыновкахъ, разгороженныхъ простынями, такъ что мы легко могли любоваться китайскими тѣнями сосѣдокъ. Обратная поѣздка замѣчательна новыми мелочами. Тропическая атмосфера огласилась переливами «Волги-матушки» щекотавшими душу. Дружное пѣніе восьми голосовъ пронизывалось наивнымъ «So early in the morning before a break of day, изъ экипажа, везущаго семейство м-ра Брандера; оживленная поѣздка, веселый, рѣзвый хохотъ и общее одушевленіе было внезапно разрушено громовой вѣстью встрѣчнаго верховаго о тяжкой болѣзни м-ра Брандера. Наивное дѣтское веселье барышень, смѣнилось воплями; родные мотивы замерли и на сердцѣ захолодѣло. Мы скакали какъ угорѣлые, принимая самый живой интересъ въ судьбѣ уже нечужаго

для насъ человѣка. Общее сѣтованье, прерываемое хлопаньями бича, было печальнымъ исходомъ минутнаго оживленія. Слезы испуганныхъ дѣвушекъ осудили и насъ на грустныя, мрачныя думы. Вообразите же взрывъ новой радости, когда мы узнали, что въ положеніи м-ра Брандера не было и тѣни опасности, что вся тревога была фальшивая на столько, что самъ виновникъ и слезъ и тревогъ, чрезъ два дня явился съ семействомъ своимъ на soirée, устроенномъ на корветѣ, гдѣ мы плясали до упаду, ѣли, пили и веселились, предвидя впереди знакомую безграничную равнину водъ, колеблющуюся въ объятіяхъ единаго неба. Незадолго до отъѣзда, нѣкоторые изъ нашихъ витязей, не зная чѣмъ выразить благодарность свою м-ру Брандеру, предприняли трудную экскурсію во внутренность острова за букетомъ, спасающихся отъ взора людскаго, роскошныхъ розъ. Ѣхать туда было невозможно, такъ какъ дорожка, ведущая къ нимъ, постепенно съуживаясь на нѣтъ, вела къ водопаду. Струя воды, клубясь съ высоты 150 метровъ по отвѣсной скалѣ въ котловину, представляла великолѣпное зрѣлище, достойное кисти истиннаго художника. Очаровательная мелодія водопада, смѣшанная съ шумомъ проливнаго дождя, казалось, держала въ какомъ-то волшебномъ оцѣпенѣніи огромные кусты темной зелени усѣянные алыми головками робко выглядывающихъ затворницъ.

Обѣтъ былъ выполненъ и огромный букетъ самыхъ свѣжихъ розъ въ тотъ же вечеръ былъ переданъ по назначенію. Канунъ отъѣзда мы провели въ томъ же миломъ семействѣ, а 20-го іюля быть можетъ на всегда покидали Таити съ его затворницами и обитателями. Съ балкона, на который направлены были съ жаднымъ любопытствомъ трубы и бинокли уносящагося «Витязя», немилосердо махали платками.

Неужели же скажетъ мнѣ строгій критикъ во всей этой дребедени есть искра нравоописанія. Я ждалъ подобнаго восклицанія и приготовилъ pour la bonne bouche искорки, характеризующія духъ канаковъ какъ нельзя лучше. Во время войны у нихъ была единственная пушка, изъ которой стрѣляли только днемъ, ночью же, оставляли ее безъ

всякаго присмотра; французы, пронюхавъ объ этомъ, тотчасъ же воспользовались удобнымъ случаемъ и завладѣли ею. Тогда воспользовавшись перемиріемъ явился на судно парламентеръ и требовалъ немедленнаго возвращенія пушки, называя подобный захватъ низкимъ и безчестнымъ.

Въ ту же несчастную для нихъ эпоху, канаки имѣли удобный случай убить изъ-за кустовъ адмирала купавшагося съ однимъ изъ своихъ флагъ-офицеровъ и то же не подумали этого сдѣлать, считая подобный поступокъ низкимъ и безчестнымъ. Они и вообще не дѣлаютъ нападенія безъ предувѣдомленія, считая низкимъ и безчестнымъ *нападать на непріятеля врасплохъ*. Какъ видите, этотъ лѣнивый и чувственный народъ проникнутъ духомъ истиннаго благородства, и рыцарства, давно выродившагося у многихъ цивилизованныхъ народовъ. Вотъ все, что можно сообщить въ такой короткій срокъ о Таити и его обитателяхъ, прибавивъ развѣ. о постоянной прогулкѣ резидентовъ по главной улицѣ, идущей вдоль берега, съ заката солнца до сигнальной пушки. которая разгоняетъ гуляющихъ въ 10 ч. вечера по домамъ; пожалуй еще о госпиталѣ, да двухъ клубахъ, военномъ и гражданскомъ, занимающихъ противоположные концы колоніи, о складахъ каменнаго угля и фотографіи и. наконецъ,—о деревянныхъ и каменныхъ строеніяхъ самыхъ резидентовъ, съ живописно разбросанными пятнами зелени: но всѣ эти подробности слишкомъ избиты и описаны пунктуально во всѣхъ описаніяхъ Таити и, вѣроятно, давно уже пріѣлись самому любознательному читателю. Подробныя же статистическія свѣдѣнія никакъ не входили въ планъ моего описанія и потому да проститъ мнѣ читатель, что я его съ возможною поспѣшностью перенесу на Самуа.

Самуа.

Переходъ отъ Таити до Самуа совершенъ въ 11 дней, благодаря продолжительнымъ штилямъ, но переходъ этотъ какъ и всѣ прочіе, съ необходимыми подробностями для спеціалистовъ, начертанъ уже въ шканечномъ журналѣ. съ обозначеніемъ шалостей и капризовъ непостояннаго Борея.

Итакъ, я осмѣлюсь пропустить его и прямо ввести читателя, съ помощью американскаго лоцмана, въ небольшую бухточку Апія открытую сѣверному и сѣверо-западному вѣтрамъ (у острова Оуполу) и показать ему всю ея непривлекательность въ сравненіи съ только-что покинутымъ имъ тихимъ, зеркальнымъ омутомъ, изъ котораго мы вынесли чарующія душу впечатлѣнія.

На рейдѣ мы встрѣтили заатлантическаго пріятеля нашего американца *S-ta Mary's* и были обрадованы свиданьемъ съ нимъ. Онъ отдыхалъ съ тремя купцами различныхъ національностей. По отдачѣ якоря, по обыкновенію, встрѣтили насъ консулы съ приглашеніемъ познакомиться съ ними и бывать у нихъ во всякое время. Вновь испеченный на скорую руку кружокъ, состоялъ главнѣйшимъ образомъ изъ двухъ патріархальныхъ семействъ англійскаго и американскаго консуловъ, одного плантатора и нѣсколькихъ линляповъ. Встрѣча съ американцами какъ сказалъ я уже выше, насъ очень порадовала. Дни носясь кавалькадами, а ночи танцуя подъ звуки фортепьяно, мы незамѣтно проводили время. На вечерахъ нашъ элементъ, собственно говоря, выразился въ игрѣ въ фанты «усерднымъ измѣриваньемъ лентъ» и «угощеньемъ шоколада». Неутомимая орда русской и американской молодежи, явившись на Самуа съ свѣжимъ запасомъ веселости, не могла не растревожить и здѣсь мирной жизни гражданъ и гражданокъ. Подобное внезапное нашествіе иноплеменныхъ, до того раздразнило резидентовъ, что они, слезно разставаясь съ американцами, упрашивали по крайней мѣрѣ насъ погостить подольше. Подобную суматоху, можетъ надѣлать только эскадронъ кавалеристовъ, внезапно появившійся гдѣ-нибудь въ глуши и расположившійся на кратковременный отдыхъ. Однако перейдемъ къ болѣе серьезнымъ наблюденіямъ, а именно, къ миссіонерству. Миссіонеры, поселившіеся на островѣ, католики и протестанты, размѣстившись наикомфортэбльнѣйшимъ образомъ возлѣ своихъ церквей, усердно занимаются обращеніемъ туземцевъ, и обращенные канаки, чувствуя себя въ щекотливомъ положеніи, не желаютъ, повидимому, огорчать ни тѣхъ, ни другихъ и

потому съ самымъ дипломатическимъ индефферентизмомъ посѣщаютъ костелъ и протестантскую церковь.

Такая политика, неминуемо должна держать ихъ въ скромныхъ отношеніяхъ съ многоуважаемыми отцами. Одно только смущаетъ туриста что танцы канаковъ, несмотря на всѣ проповѣди не измѣняютъ своего циническаго характера и на Самуа, въ особенности безобразнѣе, нежели на другихъ островахъ. Разскажу объ одномъ изъ нихъ, который заставилъ меня задуматься объ этомъ предметѣ. Король Мало-тоа-пео съ адмираломъ своимъ Пеліоопо (насилу выговоришь), посѣтилъ нашъ корветъ. Свиту его мы угощали чаемъ, а самого—сигарами. Оказались они знатоки какъ того, такъ и другаго. Въ свою очередь и мы получили отъ него приглашеніе въ его резиденцію.

Въ одномъ изъ шалашей его деревушки были собраны всѣ вожди съ ихъ половинами—и чего ужъ тутъ мы не насмотрѣлись! Музыка была самая доморощенная. Какое-то глухое клянканье бамбуковой трости, по цилиндрической цыновкѣ, вмѣщающей въ себѣ шесть бамбуковыхъ палочекъ малъ мала меньше, связанныхъ между собою. Нѣсколько паръ подернутыя слегка поясками стыдливости, до того разошлись подъ звуки подобнаго тамъ-тама, что спустили съ себя, какъ бы нечаянно, и послѣдніе пояски и вошли въ какой-то дикій пафосъ безобразія. Атлетическое тѣлосложеніе, мужественность, ловкость и природная грація туземцевъ, какъ кажется, были бы весьма достаточными данными, чтобы удовлетворить вкусъ самого требовательнаго натуралиста. Черные блестящіе глаза, безукоризненной бѣлизны зубы, служатъ имъ лучшей рекомендаціей. Но что портитъ ихъ, такъ это—у многихъ страсть обстригать волосы, которыми природа ихъ такъ щедро надѣляетъ, и мазать головы известью, съ цѣлью довести ихъ до рыжеватости и поставить ихъ дыбомъ. Впрочемъ, нѣкоторые собираютъ ихъ, еще по старой модѣ, въ одинъ пучокъ и схватываютъ ихъ шнуркомъ, что по-моему гораздо проще и натуральнѣе. Татуировка отъ пояса до колѣнъ ясно свидѣтельствуетъ, что внѣшность у нихъ далеко не на послѣднемъ планѣ и чувственность пре-

обладаетъ надъ разумомъ. Торговля на Самуа находится въ рукахъ гамбургскаго дома Го-де-Фруа и К°, агентствомъ котораго занимается германскій консулъ Веберъ, живущій особнячкомъ отъ другихъ флаговъ. Компанія этого дома владѣетъ 12 большими судами, которыми поддерживаетъ регулярное сообщеніе съ Сиднеемъ, Санъ-Франциско и Гамбургомъ. Кромѣ того, въ ея распоряженіи находится множество мелкихъ судовъ исключительно для плаванія по островамъ Тихаго океана, откуда они приходятъ съ грузами кокосовъ и привозятъ жемчугъ. Сперва-было они пробовали сами заниматься выдѣлкой кокосоваго масла, но дѣло не пошло по лѣности и небрежности канаковъ. Теперь они посылаютъ сушеный матеріалъ въ Гамбургъ. на заводъ спеціально-выстроенный для этой выдѣлки. На нихъ же осталась обязанность сушки, укладки въ кули и нагрузки на суда сырого матеріала. Компанія Го-де-Фруа выхлопотала себѣ консульство, т. е. г. Веберу и вотъ прошло уже пять лѣтъ, какъ онъ, къ огорченію своему не можетъ дождаться ни единаго военнаго судна подъ роднымъ флагомъ. Большинство зданій въ тропическомъ стилѣ, т. е. съ террасами и внутренними покоями, выходящими на задній дворъ, что немножечко напоминаетъ барскій домъ съ угодьями. Дома всѣ одноэтажные.

Между двумя подобными селеніями протекаетъ рѣчка, которая только во время прилива покрываетъ выше пояса, такъ что туземцы обыкновенно переходятъ ея въ бродъ, а остальные резиденты переталкиваются на туземныхъ челночкахъ. Эти челночки управляются ловкими мальчишками 15 и 16-лѣтними преимущественно. Послѣдніе бросаются на васъ опрометью, силясь заманить къ себѣ... ну точь-въ-точь какъ наши петербургскіе Ваньки, при разъѣздахъ. Въ германской колоніи, или какъ мы называли, нѣмецкомъ городкѣ. что на противоположной сторонѣ рѣчки, зданія тянутся въ одинъ рядъ, тутъ вы встрѣтите посредственный bar-room лавочку и гостинницу съ биліярдомъ и кеглями, гдѣ можете получить и сигару и кружку пива, безъ чего и жизнь не въ жизнь для большинства бѣлыхъ. Въ этой линіи развѣва-

ются флаги англійскаго и сѣверо-германскаго консуловъ »Starry banner« же развѣвается на другой сторонѣ. Туземцы остаются здѣсь на второмъ планѣ, въ деревушкахъ, раскинутыхъ по берегу. Шалаши у нихъ крыты цыновками, спущенными до самой земли; но можно ихъ поднимать по востребованію; какъ видите окна, двери и стѣны могутъ варьироваться по усмотрѣнію хозяина. Покоятся они, должно быть, весьма непокойно, на простыхъ цыновкахъ, подкладывая подъ шею, вмѣсто костляваго кулака, бамбуковую палку на ножкахъ, что не думаю, чтобы показалось искусительнымъ для изнѣженнаго пуховыми подушечками европейскаго сибарита. Изъ старомодныхъ оружій вы найдете еще кой-какіе топорики, дубинки и копья, сдѣланные изъ желѣзнаго дерева; но грозные штуцера грозятъ скоро вытѣснить и послѣдніе останки древности. Для морскихъ сраженій у нихъ есть спеціальныя суда, такъ называемыя пироги, тоже съ палубой, на которой носятъ мѣдныя или чугунныя орудія. Нѣкоторые изъ пирогъ длиною въ 50 ф., глубиной же они обыкновенно бываютъ въ ростъ человѣка, такъ что можно укрывшись подъ палубой стрѣлять изъ бойницъ. Вообще же въ укрѣпленіяхъ вы не находите ничего металлическаго; все перевязано, или сшито кокосовыми нитками и веревками. Коснусь междоусобій, которыя мы застали на островѣ, чтобы показать какъ привыкли къ нимъ резиденты. Междоусобія эти начались, какъ говорятъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, между дядей и племянникомъ, изъ за престолонаслѣдія. Частыя свалки и поджоги до того пріѣлись, какъ я уже сказалъ, резидентамъ, что имъ, повидимому здѣсь не придаютъ никакой особенной важности; консулы же для безопасности своихъ соотчичей, заключили съ начальниками враждующихъ партій такого рода условіе: что въ случаѣ причиненія какого-либо убытка имуществамъ мирныхъ резидентовъ (которыхъ всего-то насчитывается около 50 человѣкъ), воюющіе уплачиваютъ сумму, сообразную поврежденному, или уничтоженному имуществу, такъ что даже въ матеріальномъ отношеніи, положеніе бѣлыхъ обезпечено. Вся суть въ томъ, что порядокъ престолонаслѣдія у нихъ

не по нисходящей линіи, въ случаѣ недовольства народа, а по выбору, но только непремѣнно изъ королевской фамиліи. Такимъ образомъ и случилось, что когда дѣло дошло до воцаренія дяди, партіи подраздѣлились—и пошла распря. Какъ легко должно быть принадлежать душой и тѣломъ такой странѣ, гдѣ междоусобія могутъ всю жизнь не прерываться въ силу пословицы, что у каждаго свой вкусъ! Во время нашего пребыванія въ Самуа дядя уплатилъ штрафъ въ 3000 долларовъ за убытки, причиненные имуществамъ англійскаго и германскаго резидентовъ.

Заключу свое повѣствованіе однимъ преинтереснымъ дѣломъ, которое, надѣюсь, не произведетъ на нашей юридической почвѣ никакихъ распрей. Партизаны дяди, живущіе на мыскѣ, по сосѣдству съ владѣніемъ германскаго консула, вошли во внутрь острова, во владѣнія племянника, лежащія по сосѣдству съ англійскимъ консуломъ. Учин ивъ поджоги, они между прочими шалашами покушались истребить небольшой домишко, расположенный особнячкомъ отъ прочихъ; горючіе матеріалы подложены; приговоръ домику подписанъ и скрѣпленъ, какъ вдругъ, предъ самымъ моментомъ поджога является французскій волонтеръ, жаждущій пріобрѣсти несчастный домишко покупкой. Непріятель уступаетъ ему его съ большимъ удовольствіемъ. Французъ вполнѣ счастливъ и только проситъ, чтобы съ нимъ были посланы свидѣтели къ американскому консулу.

Послѣдній, выслушавъ обѣ стороны, даетъ свидѣтельство французу на владѣніе домикомъ съ принадлежащей ему землей. Французъ съ нетерпѣніемъ выжидаетъ перваго военнаго судна своей націи, чтобы окончательно утвердить за собой благопріобрѣтенное имущество, взятое, что называется, чуть ли не изъ огня. Считая себя законнымъ собственникомъ, онъ строитъ уже новый домикъ и, по приходѣ судна, проситъ командира подтвердить его право на владѣніе, выданное ему американскимъ консуломъ; французскій капитанъ военнаго судна подтверждаетъ этотъ документъ.

Французъ на минуту почиваетъ на **лаврахъ**, но вдругъ декорація мѣняется, первое перемиріе—является законный

владѣлецъ и съ удивленіемъ застаетъ на своей почвѣ подобную метаморфозу.

Послѣ перваго столкновенія, въ которомъ французъ геройски выдерживаетъ натискъ, канакъ идетъ просить помощи у англійскаго консула, который принимаетъ его сторону, найдя его требованіе совершенно законнымъ и заводитъ тяжбу съ французомъ.

Въ первый же приходъ втораго военнаго французскаго судна англійскій консулъ относится къ его командиру, прося вывести изъ владѣнія незаконнаго владѣльца.

Говорятъ будто бы командиръ, подписавшій ему право владѣнія, былъ старшій въ чинѣ. Какъ дѣйствовать послѣднему командиру? Онъ будто бы отвѣчаетъ англійскому консулу такъ: что хотя онъ по личному внутреннему убѣжденію и согласенъ въ справедливости требованія англійскаго консула, но defacto, не можетъ не утвердить новой подписью этого документа. Понятная вещь, что англійскій консулъ остался очень недоволенъ подобнымъ результатомъ своего процеса, однако онъ не отступаетъ отъ своихъ требованій и покуда неизвѣстно еще чѣмъ дѣло это окончится. Вторичную подпись далъ командиръ уже знакомаго намъ авизо *Hamelin* пришедшаго въ день ухода *S-ta Mary*. Скандальная хроника добавляетъ, что на первый запросъ англійскаго консула американскій отвѣчалъ, что онъ далъ это свидѣтельство, по внутреннему убѣжденію, считая подобную сдѣлку весьма возможною, а что онъ и не считалъ обязательнымъ разбирать еще кому тамъ принадлежитъ этотъ домишко! Кстати замѣтить, что консула не стѣсняются ничуть снабжать воюющія стороны, потребнымъ для нихъ оружіемъ и въ то же самое время пунктуально взимать штрафы, за каждый убытокъ понесенный своими соотчичами. Короче, отношенія ихъ къ туземцамъ не выходятъ изъ пословицы «служба службой, а дружба дружбой»; а всетаки желательно бы узнать чѣмъ кончится дѣло англійскаго консула противъ французскаго владѣльца?

Считаю себя не вправѣ растаться съ Самуа безъ привѣтствія къ его роскошнымъ долинамъ, чудной растительности, гигант-

скимъ пальмамъ, душистымъ бананамъ и сочнымъ апельсинамъ; нолямъ засѣяннымъ кукурузой и тарро, хлопчато-бумажнымъ плантаціямъ, въ поѣздкѣ на которыя мы столько галопировали, перебираясь черезъ извилистыя рѣчки и чтобы непослать послѣднее прости густому непроѣздному лѣсу и высящимся за нимъ горамъ, предъ тѣмъ, чтобы окончательно вырваться отсюда съ полнымъ сумбуромъ въ головѣ отъ самыхъ разнородныхъ ощущеній, въ теченіи такого кратковременнаго пребыванія, которое должно быть, оставило на многихъ резидентовъ пріятное впечатлѣніе. И дѣйствительно гражданки восторженныя нашими кадрилями, привѣтливо махали платками убѣгающему «Витязю» и даже кажется салфетками и скатертями, что легко могло придти на умъ, самому серьезному наблюдателю, по мгновенному увеличенію бѣлыхъ пятенъ на горизонтѣ.

Островъ Ратума.

16 августа «Витязь» подбѣгалъ уже къ незнакомому острову, положительно не предчувствуя, что суточный его визитъ принесетъ самыя благотворные результаты. На горизонтѣ, виднѣлась какая-то неопредѣленная точка, постепенно облекающаяся вь стройныя формы вельбота спѣшащаго къ намъ на встрѣчу. Чрезъ нѣсколько минутъ, китобойный вельботъ поплескавшись у борта высадилъ къ намъ лоцмана; послѣдній кое какъ помогъ намъ бросить якорь, правда, немножко далеко отъ берега за то весьма близко отъ рифа, черезъ который иначе и нельзя было пробраться какъ на шлюпкѣ и то выждавъ прилива. Настоящая цѣль нашего посѣщенія, была по истинѣ самая эгоистичная; намъ требовалось заморить червячка—чѣмъ нибудь болѣе существеннымъ, чѣмъ обыкновенная морская провизія. Но человѣкъ не безъ слабости а «Витязь» и подавно. Итакъ мы отправились на берегъ предводительствуемые лоцмапомъ на его вельботѣ. Онъ провелъ насъ извѣстной ему тропинкой, слѣдъ которой былъ очень недолговѣченъ. Перешагнувъ рифъ тянувшійся въ приличномъ отъ берега разстояніи, мы завиляли между кораллами, по глубокому фарватеру пока не уткнулись къ

общему удовольствію въ песчаный берегъ, на который и выскочили. Почуявъ точку опоры, мы вздохнули свободнѣе и предъ уходомъ не забыли вытащить на песокъ и нашей легкой посудинки. Затѣмъ взоръ загулялъ по всѣмъ направленіямъ, то разсыпаясь по сыпучему песку, то купаясь въ клубящейся пѣнѣ гудящихъ прибоевъ, то измѣряя отвѣсныя, дикія скалы—вылѣзающіе изъ густой зелени, и съ любопытствомъ пробѣгая цѣлыя деревни тянувшіеся по берегу. Лоцманъ намъ сообщилъ двѣ новости—одна другой интереснѣе: первая, что каждая изъ этихъ деревень имѣла своего вождя, а вторая, что онъ самолично, представлялъ такую же особу, совершенно тождественную съ остальными туземными администраторами. Деревни состоятъ изъ лачужекъ и мазанокъ. Что вамъ сказать о физіономіи этихъ послѣднихъ; онѣ пожалуй не дурны; болѣе роскошныя изъ нихъ рисуются внѣшнимъ лоскомъ, разрумяненныя коралловою известью, съ искусственными накладками изъ кокосовыхъ листьевъ. Нѣсколько деревянныхъ зданій, въ томъ числѣ церковь, въ видѣ большаго сарая, и очень комфортабельный домикъ, принадлежащій двумъ французскимъ миссіонерамъ, пріѣхавшимъ на островъ три года тому назадъ. Жители—канаки; большинство полуодѣты, но у всѣхъ почти крестъ, или образокъ виситъ на шеѣ. Жителей на всемъ островѣ считаютъ около трехъ тысячъ человѣкъ; большинство изъ нихъ протестанты, такъ какъ въ 1852 году, первымъ на островѣ поселился англійскій миссіонеръ. Съ пріѣздомъ французскихъ миссіонеровъ, образовалась часть католиковъ, которая, хотя и составляетъ меньшинство, но тѣмъ не менѣе находится въ постоянной враждѣ съ протестантами. Пріѣздъ католическихъ патеровъ былъ очень непріятенъ протестантскому пастору, потому что тѣ могли видѣть и донести начальству про всѣ злоупотребленія, дѣланныя имъ. Поэтому онъ сталъ усиленно проповѣдывать о единствѣ вѣры и возбудилъ протестантовъ до такой степени, что они сдѣлали нападеніе на католиковъ; нѣсколькихъ человѣкъ убили, сожгли часть домовъ и въ томъ числѣ церковь, которая была лучше отдѣлана и находилась на краю селенія. Французскіе миссіонеры нахо-

дились въ большой опасности. Вскорѣ послѣ этого происшествія на островъ зашелъ китобой, отъ котораго англійскій миссіонеръ узналъ, что онъ встрѣтилъ французское судно, которое въ скоромъ времени, должно было зайдти на Ратуму, то, боясь суда и расправы, за личное оскорбленіе французскихъ миссіонеровъ (конечно, сознавая себя виновнымъ), предпочелъ на этомъ же китобоѣ, удалиться съ острова, сказавъ своимъ ученикамъ, что уѣзжаетъ не надолго въ Сидней, по болѣзни своей жены. Въ его отсутствіе и за недѣлю до нашего прихода, протестанты сдѣлали еще разъ нападеніе на католиковъ, но не на столько разрушительное какъ первое. Миссіонеры трепетали отъ страха въ ожиданіи новаго нападенія, которое, по словамъ ихъ, должно было разъиграться трагической катастрофой. Приходъ нашего корвета, разстроилъ ихъ замыслы и сильно поддержалъ несчастныхъ патеровъ въ нравственномъ отношеніи. Письмо, привезенное нами отъ ихъ собрата, съ острова Самуа, извѣщало миссіонеровъ, что въ скоромъ времени придетъ къ нимъ французскій авизо *Hamelin*. Надо было видѣть, какъ они обрадовались подобному извѣстію: вытянутыя лица мгновенно преобразились въ веселыя; они сдѣлались любезны до крайности, не знали чѣмъ угостить и куда посадить насъ. Одинъ изъ нихъ, болѣе пожилой, предложилъ намъ прогуляться вмѣстѣ съ нимъ по деревнямъ, что было неочень то весело, такъ какъ шелъ онъ тихо, останавливаясь со всякимъ встрѣчнымъ и объявляя ему о полученной новости. Возлѣ церкви видѣли маленькій домикъ, въ которомъ живутъ три каначки, по словамъ миссіонеровъ, очень религіозныя, преданныя церкви и помогающія имъ обращать туземцовъ въ христіанство. Въ деревняхъ есть нѣсколько домиковъ на очень высокихъ сваяхъ, въ видѣ голубятень, куда только на ночь взбираются по приставной лѣстницѣ; цѣль подобныхъ ночлеговъ та, чтобы избавиться отъ москитовъ, которые высоко не летаютъ, а въ низу докучаютъ невыносимо. Кокосовыхъ деревьевъ довольно много; изъ орѣховой мякоти жители приготовляютъ родъ приправы, или подливки къ раз-

личнымъ кушаньямъ. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: выпивая молоко, кокосъ наливаютъ соленой водой, затыкаютъ дырочку и кладутъ на солнце; когда самое ядро орѣха, размокнувъ, просохнетъ и, перемѣшавшись съ соленой водой, перебродитъ, то подливка готова и они ее употребляютъ въ этомъ видѣ. Немалаго труда стоило намъ, достать свѣжаго мяса, такъ какъ быки у нихъ гуляютъ на свободѣ, вслѣдствіе чего немного одичали, и не подпускаютъ къ себѣ близко. Загнать ихъ къ селенію нѣтъ никакой возможности, а надо подкрадываться къ нимъ и убивать ихъ изъ штуцера, что очень ловко исполнилъ тотъ же лоцманъ, но прогулявши сперва болѣе часу, по лѣсу въ утомительныхъ поискахъ. Гребцы наши вытащили убитаго быка на берегъ, сняли шкуру, разрубили его по частямъ и взяли на шлюпки; прибавивъ нѣсколько свиней, куръ, картофелю и тарро, отправились на корветъ. Одинъ изъ миссіонеровъ поѣхалъ съ нами и всю дорогу разсыпался въ благодарностяхъ, за наше съ нимъ обхожденіе, говоря, что это много возвыситъ его въ глазахъ дикарей, которые, видя уваженіе иностранцевъ, выказанное ихъ сану, будутъ смотрѣть на нихъ довѣрчивѣе. Довольно далеко, отъ видѣнныхъ нами деревень, по берегу тянулся еще большой рядъ селеній принадлежащихъ протестантамъ, которые, видя что мы имѣли сношенія съ католическими деревнями и не умѣя различить національнаго флага, повидимому, вообразили, что мы пришли ихъ судить за нападенія, сдѣланныя на католиковъ, порядочно струхнули и только одна шлюпка съ ихъ старшиной и съ подаркомъ, состоящимъ изъ цыновки, рискнула на второй день пристать къ корвету, но ихъ, конечно, такъ же приняли, какъ и католиковъ. 17-го августа, вѣтеръ перемѣнился; сняться съ якоря подъ парусами, находясь вблизи рифовъ, было очень рисково; развели пары, отошли отъ острова, вступили подъ паруса и направились на новую Ирландію.

О-въ Новая Ирландія.

31 августа увидѣли о-въ Новую Ирландію, подходили къ нему подъ парами самымъ малымъ ходомъ, останавливая

часто машину для бросанія дипъ-лотовъ; ручные лоты съ обѣихъ тоже не оставались безъ дѣйствія; найдя двадцатисемисаженную глубину, стали на якорь въ юго-западной бухточкѣ Новой Ирландіи въ полутора кабельтовахъ отъ берега. Изъ за южнаго мыска, сейчасъ же подошла къ намъ довольно длинная пирога съ балансиромъ (аутригеромъ) на одной сторонѣ; носъ и корма одинаково украшены раковинами и фигурками, въ видѣ рѣшетки изъ камыша; на ней сидѣло восемь тамошнихъ жителей, которые принадлежатъ къ папуаскому семейству. Говорятъ очень скоро съ дикимъ хохотомъ и вскрикиваніями. Цвѣтъ кожи темно-коричневый. Ходятъ совершенно въ костюмѣ Адама, не имѣя даже листика стыдливости; волосы красятъ известью и потому у однихъ совсѣмъ рыжіе, у другихъ только-что намазанныхъ, бѣлые, а которые не красятъ, то черные, довольно жесткіе и у нѣкоторыхъ курчавые; глаза плутовскіе, вообще взглядъ несимпатичный, непріятный. Въ ноздряхъ дырочки, въ которыя воткнуты маленькія палочки, а у иныхъ идетъ горизонтально сквозная дырка чрезъ обѣ ноздри, въ которую воткнута косточка отъ рыбы. Въ ушахъ костяныя или черепаховыя серьги. У всѣхъ зубы черные. На шеѣ ожерелье изъ ракушекъ, или кокосовая веревочка съ двумя кисточками изъ ракушекъ, въ перемѣшку съ какими-то зубами, кажется передними зубами свиньи; впрочемъ это только одно предположеніе. У нѣкоторыхъ рука выше локтя перетянута кокосовой тесемкой, или костянымъ кольцомъ въ видѣ браслета, какое значеніе и какая цѣль—тоже не знаю; сложенія довольно хорошаго, но по наружности нельзя предпологать, чтобы они были очень сильны, за то тонкія ноги и почти отсутствіе икръ заставляютъ думать, что они должны отлично бѣгать. Женщинъ, дѣтей и ихъ жилищъ не видали. Нѣкоторые изъ дикарей знали нѣсколько словъ по англійски, вѣроятно, заимствованныя отъ китобоевъ, заходящихъ на Новую Ирландію. Дикари, взойдя на палубу, были очень интересны: всякая пустая вещь ихъ удивляла, причемъ они дѣлали дикіе возгласы. Они очень любознательны; осматривали все. Живой быкъ, зеркало, машина,

орудіе, а въ особенности труба и винтъ были предметами постояннаго ихъ наблюденія и удивленія. Нѣсколько дикарей на маленькихъ пирогахъ, пришли въ бухточку и привезли съ собой тарро, кокосы и сладкій картофель, все мѣняли на гарусъ, пуговицы и табакъ, но больше накидывались на табакъ и ножи. Новая Ирландія очень гориста, покрыта дѣвственнымъ тропическимъ лѣсомъ; громадныя деревья, въ перемѣшку съ кустарниками, ліанами и колючими растеніями дѣлаютъ лѣсъ положительно непроходимымъ. Маленькая рѣчка, вытекающая изъ горъ по мелкимъ уступамъ, образуетъ рядъ маленькихъ водопадовъ, которые сливаются въ одинъ журчащій ручеекъ, извилисто и быстро бѣгущій по тѣнистой аллеѣ тропическихъ растеній и впадающій въ бухточку. Мѣста эти какъ-то таинственны и привлекательны. Но, чтобы увидѣть эту прелестную картину каскадовъ, нужно идти по самой рѣчкѣ, дно которой усѣяно различной величины каменьями; сама рѣчка не глубока, но имѣетъ нѣсколько плесовъ; въ болѣе глубокомъ мы купались; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода падала большой струей и представляла природный душъ, мы ходили пользоваться этимъ удовольствіемъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Вода превкусная и, сравнительно съ морскою, холодная; наливаться ею было очень удобно; шлюпка могла пристать къ самому устью рѣчки. Берега острова песчаны, частью покрыты мелкимъ кустарникомъ и какъ бы каймой идутъ кругомъ непроходимаго лѣса. Крики попугаевъ и другихъ птицъ слышали, но видѣть сидящихъ пришлось очень мало, по невозможности къ нимъ пробраться и потому предпологаемая за ними охота не состоялась. Мы простояли до 3 сентября, занимаясь рубкою дровъ, которая была очень затруднительна во-первыхъ, по крѣпости и толщинѣ деревьевъ а во-вторыхъ; по неудобству вытаскивать и спускать ихъ на воду. Удѣльный вѣсъ многихъ деревьевъ былъ больше воды и потому они тонули. Пока занимались рубкой дровъ, мы успѣли сдѣлать съемку этой бухты. 3 сентября утромъ снялись съ якоря. Дикари на шести пирогахъ провожали насъ до мыска, за который и повернули, направляясь къ своему селенію, находящемуся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него.

Островъ Новая Гвинея.

Выйдя 3 сентября изъ бухты, мы направились на Новую Гвинею. Шли вдоль Новой Британіи. Вѣтеръ былъ тихій, перемѣнный и всякій день сопровождаемый тропическими дождями и грозами съ порывчиками; небо скоро покрывалось тучами и долго потомъ масса воды, какъ изъ ведра, лилась на палубу; молнія безпрестанно сверкала и на клотикахъ горѣли сентэльмскіе огни; черезъ два дня вѣтерокъ немного посвѣжѣлъ но ненадолго, воспользовавшись имъ, мы скоро пробѣжали миль 150, а потомъ попрежнему поползли какъ черепаха. 7 сентября на горизонтѣ увидѣли Новую Гвинею, развели пары, приблизились и пошли вдоль острова. Во многихъ мѣстахъ видѣли дымки, но людей не видали. Островъ очень гористъ; въ началѣ лѣсъ разбросанъ кучками и эта часть острова представляла какой-то особенный видъ, котораго мы не видали въ Полинезіи. Идя дальше, кучки лѣса болѣе соединяются и, наконецъ, вашему взору представляется сплошная масса зелени, сзади которой возвышаются различными конусами горы, расположенныя какъ бы амфитеатромъ въ нѣсколько ярусовъ; многія изъ нихъ совершенно обнажены и издали представляются какъ бы большими свѣтлозелеными лугами или, лучше сказать оазисами, въ сплошной массѣ темнозеленаго лѣса. Берега обрывисты, съ довольно большимъ прибоемъ. Къ ночи подошли къ одному очень живописному маленькому островку, покрытому богатой растительностью; изъ-за кокосовыхъ деревьевъ высовывались углы и крыши домовъ, доказывающіе, что этотъ островокъ обитаемъ: и дѣйствительно, этотъ выводъ оказался вѣрнымъ. Когда болѣе стемнѣло, тогда у насъ зажгли фальшфееръ. На островкѣ отвѣтили, разложивъ костеръ, и во многихъ мѣстахъ сейчасъ же показались огоньки. Пользуясь лунной ночью, подъ одними снастями, съ помощью попутнаго теченія, мы шли по три узла, съ разсвѣтомъ дали ходъ машинѣ и 8 сентября, въ три часа, стали на якорь въ бухтѣ Астролябія. Эта бухта была открыта Дюмонъ Дюрвилемъ въ 30 годахъ и названа именемъ судна на которомъ онъ плавалъ.

Бухта углубляется въ берегъ миль на двѣнадцать, а шириною еще больше и потому правильнѣе ее назвать маленькимъ заливомъ. Берегъ представляетъ рядъ разнообразныхъ мысковъ и покрытъ богатой тропической растительностью. Въ нѣкорыхъ мѣстахъ виднѣлись сгруппированныя кокосовыя пальмы, составляющія единственную примѣту, по которой можно отыскать деревни, находящіяся поодаль отъ берега. Нѣсколько мелкихъ горныхъ рѣчекъ и ручейковъ съ превкусной водой впадали въ этотъ заливъ. Мы стояли недалеко отъ берега, имѣющаго видъ маленькой бухточки, край которой песчанымъ мыскомъ выдавался довольно далеко въ заливъ берега; бухточка покрыта густой растительностью. Вѣтви многихъ деревьевъ и тѣнистыхъ кустарниковъ свѣшиваются прямо въ воду. Такъ какъ мы пришли наканунѣ дня рожденія Великаго Князя Константина Николаевича, то и назвали эту бухточку: «Портъ Великій Князь Константинъ».

Мы увидѣли первую группу дикарей, вышедшихъ боязливо изъ-за этого мыска. Впереди шелъ начальникъ, а за нимъ попарно остальные; они подошли къ ближайшему отъ насъ берегу, принесли какіе-то дары, которые, сложивъ въ кучу на берегу, прокричали что-то, показывая руками на кучу и медленно удалились за мысокъ. Подарки состояли изъ нѣсколькихъ кокосовъ, тарро, одной одичалой свиньи, привязанной за морду и заднія лапы къ бамбуковому шесту, и двухъ небольшихъ желтыхъ собакъ, на нашихъ глазахъ убитыхъ о бревно, лежащее на берегу. Это все мы взяли и на то же самое мѣсто поставили корзину съ гвоздями, веревками, бутылками и другими вещами, по нашему взгляду полезными для нихъ. Привезенная свинья доставила намъ маленькое развлеченіе. Когда ее освободили отъ бамбуковаго шеста, то она нѣсколько секундъ простояла въ недоумѣніи и потомъ какъ шальная, начала бѣгать по палубѣ, съ хрюканьемъ, бросаясь на людей, которые съ хохотомъ разступались, давая ей полную свободу бѣгать кругомъ корвета; наконецъ, она замѣтила кормовой клюзъ, въ который и выпрыгнула за бортъ и поплыла къ берегу; ее поймали и уже потомъ держали на привязи. Собаку надѣли на крючокъ и спустили за бортъ;

спустя нѣсколько часовъ, вытащили громадную акулу, съ которой также много потѣшались. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вдоль бухты. виднѣлись дымки, но никто къ намъ не пріѣзжалъ. Не зная какъ примутъ насъ дикари и не желая помѣшать г. Миклухѣ-Маклаю, мы не съѣзжали съ корвета, а ему первому, предоставлено было право съ своими людьми, отправиться на берегъ. Надо сказать, что цѣль нашего захода на Новую Гвинею, состояла въ томъ, чтобъ высадить пассажира Миклуху-Маклая, который нанявъ въ Самуа двухъ слугъ:—одного шведа, говорящаго по нѣмецки, а другаго мальчика съ острова Ніу, неговорящаго ни на какомъ кромѣ своего родного языка, рѣшился остаться на Новой Гвинеѣ для ученыхъ изслѣдованій. Цѣль его пройдти поперегъ острова для ознакомленія съ нравами, обычаями и типами папуассовъ и характеромъ мѣстности — предпріятіе въ высшей степени интересное, но трудное. И такъ онъ первый отправился на берегъ за мысокъ, но скоро вернулся, не побывавъ на берегу, опасаясь угрозъ дикихъ не допустившихъ его пристать. Командиръ на вельботѣ поѣхалъ вдоль бухты осмотрѣть мѣстность, нашелъ нѣсколько деревень, стоящихъ на берегу, жители которыхъ, пантомимами просили пристать къ берегу. Въ скоромъ времени, и нашъ путешественникъ поѣхалъ туда же, выходилъ на берегъ и привезъ съ собой на корветъ четырехъ дикарей, которые, выйдя на верхъ дрожали отъ страха всѣмъ тѣломъ. Наружность ихъ, сравнительно съ новоирландцами, миловиднѣе, цвѣтъ кожи почти такой же, развѣ немного свѣтлѣе, росту небольшаго, волоса короткіе и курчавые; большинство ихъ известью не краситъ; тоже голые, но имѣютъ поясокъ приличія, сплетенный изъ кокосовыхъ нитокъ. Въ носу палочекъ не носятъ, кромѣ начальниковъ, у которыхъ въ носовой перегородкѣ костяная, или черепаховая штучка, въ родѣ зажима; они еще отличаются воткнутымъ въ волоса бомбуковымъ гребнемъ, украшеннымъ разноцвѣтными перьями отъ попугаевъ. У нѣкоторыхъ на рукахъ, выше локтя, были перевязки, въ видѣ браслета, изъ кокосовой тесьмы или кости. У каждаго надѣты двѣ сумочки: одна, маленькая, на шеѣ, а дру-

гая, довольно большая, черезъ плечо; обѣ очень искусно сплетенныя изъ кокосовыхъ нитокъ; нѣкоторыя даже съ узорами; онѣ, служатъ вмѣсто кармановъ, для носки всего, но преимущественно въ нихъ держатъ всѣ снадобья для жеванья бетеля. Процесъ жеванья бетеля состоитъ въ томъ, что они кладутъ въ ротъ, ядро орѣха орѣховой пальмы, потомъ листъ растенія (pepper buttel) и все это закусываютъ коралловою известью которую держатъ въ бамбуковомъ цилиндрикѣ, или высушенномъ бутылкообразномъ плодѣ, въ родѣ нашей тыквы, достаютъ же известь изъ этихъ сосудовъ лопаточками, сдѣланными изъ человѣческой кости. Жеванье бетеля принадлежитъ къ наркотическимъ средствамъ и они всѣ его употребляютъ, отчего зубы у нихъ черные и испорченные, а десны и языкъ яркокрасные, что дѣлаетъ ихъ физіономіи непріятными. Въ нѣкоторыхъ сумочкахъ были еще какія-то кости и зубы, а въ одной, деревянный—божокъ. Носятъ серьги въ ушахъ, въ видѣ колецъ, сдѣланныхъ изъ черепахи или раковины.

Мы приняли ихъ очень ласково, надарили разныхъ бездѣлушекъ, повели въ каютъ-компанію, напоили чаемъ, который имъ понравился; за столомъ они не могли сидѣть по обыкновенію, а вскочили на скамейку и помѣстились по-своему, съ ногами; когда подвели ихъ къ зеркалу то они его очень испугались; на корветѣ долго не оставались, а торопились уѣхать, видно было что они сильно трусили. На другой день, утромъ, тѣже самые опять пріѣхали и съ ними еще на двухъ долбленныхъ челночкахъ нѣсколько папуассовъ также боязливо вышли наверхъ, гдѣ пробыли недолго, обѣщаясь пріѣхать снова и привезти провизію. Сравнительно съ новоирландцами, любознательности въ нихъ очень мало; никто даже не поинтересовался пройдти по палубѣ; въ этотъ день рожденія Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича послѣ молебна мы иллюминовавшись флагами салютовали. Выстрѣлы громкими раскатами отдаваясь въ горахъ, страшно пугали дикарей, быть можетъ никогда не слышавшихъ ничего подобнаго. Большинство разбѣжалось въ горы и послѣ салюта во все время нашей стоянки уже больше ни одна шлюпка къ намъ не являлась; сами же мы ѣздили

на берегъ и были въ нѣсколькихъ деревняхъ. Въ серединѣ каждой деревни есть площадка хорошо утрамбованной земли, кругомъ которой, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, болѣе правильно а въ другихъ, безъ всякаго порядка, раскинуты бамбуковые домики и шалаши покрытые всѣ кокосовыми и пандануcовыми листьями. Внутренность представляетъ одну комнату съ нарами изъ бамбуковыхъ жердей. Многіе дома двухъэтажные, потолокъ перваго и полъ втораго, тоже сдѣланы изъ бамбуковыхъ жердей положенныхъ рядомъ, второй этажъ въ видѣ чердака и какъ кажется служитъ для храненія провизіи т. е. сладкаго картофеля, тарро, кокосовъ, а также оружія и другихъ вещей. Оконъ нѣтъ а свѣтъ проходитъ черезъ дверцу сдѣланную изъ цыновки или бамбуковой рамки, переплетенной кокосовыми вѣтвями; она или приставная или прикрѣплена къ стѣнѣ петлями изъ бамбуковыхъ колецъ. Оружіе ихъ составляютъ копья и луки изъ желѣзнаго дерева, а стрѣлы изъ камыша съ бамбуковыми, или тоже желѣзными наконечниками; нѣкоторыя изъ нихъ отравленныя, то есть намазанныя ядовитымъ составомъ красноватаго цвѣта. Топорики у нихъ каменные, рукоятка деревянная, сучковатая, имѣетъ видъ цифры 7; въ болѣе толстый и короткій конецъ вставляется заостренный камень въ родѣ кремня и потомъ этотъ конецъ обматывается бамбуковой тесемкой. Изъ домашней утвари видѣли много деревянныхъ лоханокъ различной формы, овальныхъ, въ видѣ корытъ и круглыхъ съ ручками, довольно глубокихъ и съ рѣзьбой; точно также мы нашли у дикарей глиняные горшки различныхъ величинъ и формъ и сѣти, для ловли рыбъ, великолѣпно сплетенныя изъ крученныхъ нитокъ, сдѣланныхъ изъ какого то дерева, которыя съ большимъ трудомъ можно отличить отъ льняныхъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ висятъ въ углу, или просто валяются, человѣческіе черепа. Вообще всѣ избы, очень грязно содержатся. Есть нѣсколько шалашей въ видѣ длинныхъ сквозныхъ сараевъ, служащихъ по всей вѣроятности мѣстомъ ихъ сходокъ а можетъ быть и храмовъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ, мы видѣли по нѣскольку идоловъ различной величины; шлюпки у нихъ всѣ долбленныя съ балансирами

и различныхъ величинъ. Есть большія пироги съ мачтами и парусами, сдѣланными изъ цыновокъ и привязанными къ бамбуковому рейку. Вантина у мачты съ одной стороны, а именно со стороны балансира, такъ что когда ходятъ подъ парусами, то всегда подымаютъ парусъ съ одной стороны, по этому образованіе носа и кормы пироги, совершенно одинаковое. Входя въ деревни мы рѣдко встрѣчали болѣе одного человѣка, остальные были всѣ запрятавшись за домами, или въ лѣсу за стволами деревьевъ. Но видя наше миролюбивое обхожденіе съ дикаремъ насъ встрѣчавшимъ, не поспѣешь оглянуться, какъ цѣлая толпа насъ окружитъ и съ такою быстротою, что трудно замѣтить откуда они являются; словно выростутъ изъ земли. Поздоровавшись, сейчасъ же начинается мѣна оружія, посуды, череповъ и другихъ вещей, на пустыя бутылки съ красивыми ярлыками, коробки, стальныя перья, ножи, табакъ и другія вещи. Больше всего они накидывались на бутылки, табакъ же совсѣмъ не брали, потому что у нихъ есть свой; завертывая его въ банановый листъ, они дѣлаютъ толстую сигару и курятъ съ большимъ удовольствіемъ. Когда мѣна кончится и видя, что мы занимаемся разсматриваніемъ ихъ деревни, они начинаютъ кричать «ареа» (что значитъ уходи) и показывать руками по направленію нашихъ шлюпокъ желая, вѣроятно объяснить, что пора уходить. Женъ и дѣтей не видѣли; кажется, ихъ прогоняли во внутреннія деревни, около горъ: они боятся ихъ показывать. Разъ, желая пробраться во внутреннюю деревню, мы пошли по узкой тропинкѣ въ густомъ лѣсу, переправлялись въ бродъ черезъ нѣсколько рѣчекъ, потомъ попали на поляну, заросшую высокимъ, густымъ тростникомъ и, наконецъ, подошли довольно близко къ деревнѣ, такъ что видѣли изъ-за пальмъ, крыши домовъ по въ это время, откуда ни взялись, явились пять человѣкъ дикарей, которые стали поперегъ дороги и, не желая пускать насъ дальше, стали сперва стращать, показывая, что въ деревнѣ насъ съѣдятъ; будучи вооружены, острастки ихъ мы не испугались, и они же видя наше упорное желаніе туда пройдти, стали что-то кричать въ деревню, а потомъ

принялись просить и умолять, чтобъ мы не ходили въ эту деревню. Не желая съ ними ссориться, мы вернулись назадъ, дикари насъ долго провожали и очень ласково распрощались: видно было, что они были очень довольны, что мы не пошли въ ихъ заколдованное мѣсто; по всей вѣроятности тамъ находились ихъ жены и дѣти. Въ одну деревню мы пришли и не нашли ни одного человѣка. Входы въ дома закрыты были цыновками и дверцами и заложены бамбукомъ. Изъ деревни шла тропинка въ лѣсъ; мы по ней пошли и, пройдя порядочное разстояніе, застали дикарей врасплохъ; сперва они сильно струсили; но потомъ, вмѣстѣ съ нами вернулись въ деревню, гдѣ съ удовольствіемъ мѣняли свои вещи на бутылки и прочія вещи. Наши штурманскіе офицеры и гардемарины, дѣлая опись и промѣръ залива, были въ дальнихъ деревняхъ, гдѣ ихъ принимали очень дружелюбно. Винтъ пароваго катера привлекалъ ихъ вниманіе.

Папуассы мажутъ свое тѣло кокосовымъ масломъ, какъ и всѣ полинезійцы; оно предохраняетъ ихъ отъ жгучихъ лучей солнца и москитовъ. Г. Миклуха-Маклай рѣшившись остаться на Новой Гвинеѣ, выбралъ себѣ мѣсто въ портѣ Великій Князь Константинъ, на одномъ мыскѣ, возлѣ рѣчки. Наши столяры и плотники соорудили ему прехорошенькій маленькій домикъ на сваяхъ; команда очистила мѣсто возлѣ дома и сдѣлала большую площадку, кругомъ которой, изъ срубленныхъ деревьевъ, кустарниковъ и колючаго хвороста устроили ограду, такъ что дикари ни съ которой стороны не могутъ подойдти близко къ дому не бывъ замѣченными. Кромѣ того, кругомъ дома, въ приличномъ отъ него разстояніи, закопали нѣсколько небольшихъ минъ или, правильнѣе, устроили для него шесть фугасовъ, по различнымъ направленіямъ. Взорвать каждый онъ можетъ не выходя изъ дома; это будетъ хорошая защита, а главное острастка, въ случаѣ нападенія дикарей. Въ виду его исключительнаго положенія, командиръ нашелъ необходимымъ оставить въ его полное распоряженіе одну изъ шлюпокъ, а именно, четверку съ полнымъ вооруженіемъ;

въ случаѣ безвыходнаго положенія онъ можетъ на ней переправиться въ другое мѣсто; снабдили его также провизіей и вообще всѣмъ чѣмъ только было возможно и что было для него необходимо. Для храненія вещей и провизіи были вырыты погреба; маленькій шалашъ возлѣ дома будетъ служить ему кухней, мальчикъ съ острова Ніу предназначенъ быть поваромъ, а другой, шведъ Вильсонъ, какъ болѣе смышленный, будетъ находиться при г. Маклаѣ. Всѣ безъ исключенія принимали въ немъ самое живое участіе и каждый помогалъ, по возможности, въ устройствѣ его новаго жилища. Нарубивъ порядочное количество дровъ, мы распрощались съ г. Миклухой-Маклаемъ, пожелавъ ему успѣха въ его предпріятіи и всякаго благополучія; развели пары, дали ходъ. Маклай салютовалъ намъ русскимъ купеческимъ флагомъ, который развѣвался на длинномъ флагштокѣ, привязанномъ къ высокому дереву, стоящему на самомъ мыскѣ.

Вотъ нѣсколько папуасскихъ словъ, которые мы заимствовали отъ дикарей, бывшихъ у насъ на корветѣ:

Татуи имя нов. гвинейца, ахалане—лукъ, самба—нога, ахалаге—стрѣла, тауаль—ротъ, хаджа—копье, аги—зубы, пату—топоръ, ко—шея, мана—носъ, банги—палецъ, намъ—глаза, ненгренгуа—женщина, дапъ—ухо, боди—глиняный горшокъ, гате—голова, намбитегри—рѣсницы, гате-багри—волоса, упъ или уль—мѣшокъ или большая сумка, ибонъ—ладонь, дамби—маленькій мѣшочекъ на шеѣ, сакью—рука, манъ—поясъ стыдливости, уаль—вода, саа—собака, буль—свинья, пуги—ѣсть, олангъ—небо, ніу—кокосовое дерево, манге—кокосъ, кумму—черепъ, таль—домъ, арене—нѣтъ, ареа—уходи, тупету—курица, арато—рукоятка топора, ябобо—я пріѣду, бибиліо—грести, какалаганде—бить, агью—браслетъ, діа-боди—борода, оро—спина, ии—пить, аламъ—берегъ, самба—одинъ, ибомъ—два, діанъ—три, ибонкѣ—четыре.

Островъ Гуама (Маріанскіе острова).

Выйдя изъ залива Астролябіи, командиръ имѣлъ предположеніе зайдти на острова Синявина. Но человѣкъ пред-

пологаетъ, а Богъ распологаетъ. Штили и маловѣтрія, сопровождаемые частыми дождями, позволяли теченію имѣть на насъ вліяніе болѣе продолжительное время, вслѣдствіе чего курсъ на острова Синявина дѣлался невыгоднымъ, да къ тому же и сомнѣніе достать тамъ провизію заставило взять курсъ на Гуаму. Перспектива долгаго штилеванья была незавидна: запасы, сдѣланные нами, вслѣдствіе жары, быстро уменьшались. Провизія портилась и всякій день часть выбрасывалась за бортъ. Несмотря на то, что мы озаботились сдѣлать на предстоящее намъ плаваніе громадные запасы всего, и нисколько не заботились о дороговизнѣ, которая вогнала насъ въ сильные долги, все-таки къ концу концовъ, лакомымъ нашимъ блюдомъ была тронувшаяся солонина и сухари съ червями и слониками, которые очень искусно протачивали сухарь по всѣмъ направленіямъ. Надо замѣтить, что уксусъ давно вышелъ, масло прогоркло и единственной приправой былъ сухой рисъ или фасоль. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждали бриза, который бы подогналъ насъ скорѣе къ Гуамѣ, гдѣ мы разсчитывали достать свѣжую провизію и пополнить запасы угля, котораго у насъ оставалось очень мало и потому его берегли.

Прорѣзая архипелагъ Каролинскихъ острововъ, мы видѣли одну только группу, пройдя которую встрѣтили двѣ пироги подъ парусами. Легли въ дрейфъ и онѣ къ намъ подошли. Пироги были довольно большія съ балансирами и мачтами, которыя могли сниматься; повидимому, сдѣланы крѣпко и искусно; большая цыновка замѣняла шпрюйтовный парусъ; шкоты и ванты сдѣланы изъ кокосовыхъ волоконъ; двѣ площадки, сдѣланныя изъ сложенныхъ бамбуковыхъ жердей выдавались по обѣ стороны шлюпки за бортъ и представляли два мостика, одинъ былъ подъ грибообразнымъ навѣсомъ, изъ кокосовыхъ вѣтвей и листьевъ и служилъ привилегированнымъ мѣстомъ старшины, а на другомъ мостикѣ, видны были остатки костра, за которыми лежали различные запасы: кокосы, какія-то свертки, глиняный горшокъ съ чѣмъ-то, и двѣ живыя собаки. Въ каждой пи-

рогѣ было по шести человѣкъ островитянъ и ни одной женщины. По наружности, они мало отличались отъ канаковъ; цвѣтъ кожи такой же, волоса черные, длинные, но у двоихъ короткіе. Зубы бѣлые, глаза большіе и довольно выразительные, вообще, физіономіи довольно пріятныя. Нѣкоторые были совсѣмъ нагіе, имѣя одинъ только поясъ приличія, другіе же имѣли костюмъ въ видѣ епанчи изъ какой то матеріи, по всей вѣроятности сдѣланной изъ кокосовыхъ нитокъ. Украшеніемъ ихъ были серьги и ожерелья, изъ нѣсколькихъ рядовъ деревянныхъ и черепаховыхъ колецъ, нанизанныхъ на кокосовую нитку. У всѣхъ, бѣлыя конусообразныя, малайскія шляпы. Вымѣнявъ у нихъ нѣсколько кокосовъ, серегъ и ожерельевъ на пустыя бутылки, табакъ и платки, мы снялись съ дрейфа и пошли дальше. Подходя къ южному острову Маріанскихъ островов, Гуамѣ, развели пары. 5 октября взявъ лоцмана, который выѣхалъ на встрѣчу, на китобойномъ вельботѣ, прошли за рифъ, тянувшійся вдоль острова, гдѣ и стали на якорь, между рифомъ и островомъ, очень далеко отъ берега. Островъ Гуама вулканическаго происхожденія: видъ его имѣетъ свою особенность: въ началѣ всѣ вершины горъ, какъ будто ровно срѣзаны и представляютъ большую горизонтальную площадь, покрытую негустымъ кустарникомъ и травой, далѣе же почва принимаетъ болѣе общій видъ, а именно въ разныхъ мѣстахъ возвышаются конусы горъ, холмовъ и выдаются различные выступы; нѣкоторые покрыты густымъ лѣсомъ, другіе рѣдкимъ кустарникомъ, а мѣстами, густой высокой травой. Весь берегъ изрѣзанъ многими рѣчками, ручейками и бухточками. Островъ окруженъ коралловыми рифами и банками, разбросанными во многихъ мѣстахъ по всѣмъ направленіямъ и довольно далеко отъ берега; въ малую воду они оголяются. На берегъ можно попасть только на мелко сидящихъ шлюпкахъ, и то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходится бороздить по дну, преимущественно проходя мимо небольшаго островка которымъ мы были ограждены отъ сѣверныхъ вѣтровъ; мѣстное его названіе Goat Island т. е. Козій островъ произошло оттого, что единственные его обитатели четыреста

*

козъ, принадлежащія европейцу г. Партусу. Противъ рифа глубоко вдалась бухта, испещренная коралловыми банками; по срединѣ этой бухты, на одномъ изъ рифовъ, выстроена маленькая крѣпостца подъ испанскимъ флагомъ; въ ней три старинныя мѣдныя орудія и пять человѣкъ артиллеристовъ живущихъ въ маленькомъ домикѣ, стоящемъ возлѣ крѣпостцы. На одной сторонѣ бухты довольно большая деревня, окруженная кокосовыми деревьями; дома на сваяхъ, одноэтажные деревянные, всѣ обшиты досками краснаго дерева; крыльцо составляетъ необходимую принадлежность каждаго дома; крыши покрыты кокосовыми вѣтвями и листьями; внутреннее помѣщеніе раздѣлено цыновками на двѣ комнаты: спальню и залу; кухня внѣ дома, но подъ той же крышей. Дома очень однообразны и стоятъ почти на равномъ разстояніи, одинъ отъ другаго по сторонамъ улицъ деревни. На островѣ всего семь деревень, а жителей считаютъ до 8000 человѣкъ: народъ прежде принадлежалъ къ смѣшанной расѣ полинезійцевъ съ малайцами, а теперь перемѣшался съ испанцами и другими и окончательно потерялъ свою типичность. Всѣ католики; преобладающій языкъ испанскій, но многіе говорятъ и по англійски. По другую сторону бухточки есть нѣсколько домиковъ, противъ которыхъ, на другой день нашего прихода, мы пристали вытащивъ вельботъ на берегъ. Отъ домиковъ, или маленькой деревушки, идетъ вдоль берега хорошо утрамбованная дорога до города Аганья, который находится въ пяти миляхъ отъ бухты. Туда ѣздятъ въ шарабанахъ на лошадяхъ, но для этого надо, или попасть въ деревню въ срочный часъ, или заранѣе заказать въ городѣ; мы этого не знали и потому пришлось прокатиться въ двухъ-колесной таратайкѣ на коровѣ съ отрѣзаннымъ вымемъ: хотя подобный способъ сообщенія и оригиналенъ, но тѣмъ не менѣе онъ въ употребленіи и большинство имъ пользуется. Быки и коровы хорошо пріучены и сами входятъ въ оглобли таратайки, стянутые дугой, которая ложится на шею животнаго и только снизу подвязывается веревкой, въ этомъ состоитъ вся упряжь: возжею же служитъ веревка, продернутая въ ноздри. Чрезъ

часъ съ четвертью мы доѣхали до мѣста. Городъ Аганья есть ничто иное какъ большая деревня съ нѣсколькими улицами; дома большею частью такіе же, какъ мы видѣли въ первой деревнѣ, т. е. деревянные на сваяхъ, но есть и каменные, съ крышами, покрытыми черепицами. Въ городѣ есть церковь, губернаторскій домъ, тюрьма и школа; гостинницъ нѣтъ, но жители такъ гостепріимны, что въ каждомъ домѣ вамъ съ удовольствіемъ приготовятъ все, что вы закажете. Мы познакомились съ однимъ католическимъ миссіонеромъ, человѣкомъ довольно пожилымъ, живущимъ на Гуамѣ болѣе двадцати лѣтъ; онъ очень милый, разговорчивый и не любитъ удаляться отъ компаніи молодыхъ людей. Онъ намъ многое разсказывалъ, что на островѣ европейцевъ очень мало и нѣтъ ни одного предпріимчиваго человѣка, который бы занимался спеціально торговлей; въ маломъ же размѣрѣ торгуетъ одинъ испанецъ Партусъ. На островѣ же есть много плантацій рису, маису, мѣстнаго табаку и сахарнаго тростнику; но, вслѣдствіе лѣни жителей, всѣ онѣ, посредственны и служатъ только для собственнаго ихъ употребленія. Изъ сахарнаго тростника выжимаютъ сахаръ, но, не зная какъ его очищать и рафинировать, употребляютъ совсѣмъ необдѣланнымъ. Недавно стали разводить хлопокъ, который принялся хорошо, и есть надежда, что со временемъ, онъ будетъ составлять единственный предметъ вывоза съ острова: теперь же ничего не вывозится, а напротивъ, привозится изъ Манилы, и потому все очень дорого. Есть склады манильскихъ сигаръ. Говорятъ, что климатъ на островѣ очень здоровый и что непонятно, что оспа, которую прививаютъ жителямъ, не принимается, такъ что три года тому назадъ, болѣе трехъ тысячъ человѣкъ умерло отъ натуральной оспы. Привезенные изъ Манилы олени, сильно расплодились и доктора замѣтили, что съ того времени, какъ стали ихъ мясо употреблять въ пищу, elephantiazis, болѣзнь присущая всѣмъ жителямъ жаркаго климата, замѣтно уменьшилась, и теперь изрѣдка можно встрѣтить подобнаго больнаго. Островъ Гуама есть испанская колонія, которая никакихъ доходовъ не приноситъ,

содержаніе ея стоитъ, около сорока тысячъ долларовъ. Онъ также служитъ мѣстомъ ссылки преступниковъ которыхъ теперь до двухсотъ человѣкъ. Всѣ тяжелые ихъ работы и въ томъ числѣ проводка и отдѣлка дорогъ были сдѣланы ими. Ссыльные ходятъ на работу безъ присмотра, и не было случая, чтобы кто-нибудь изъ нихъ убѣжалъ, хотя случаи могли имъ представляться довольно часто, такъ какъ сюда заходитъ много китобоевъ; а въ лѣтнее время, когда они идутъ въ Южный океанъ для занятія своимъ промысломъ, то ихъ набирается въ одно время до тридцати судовъ. Въ колоніи есть губернаторъ, который въ полной зависимости отъ генералъ-губернатора въ Манилѣ. Онъ живетъ въ Аганьи и въ его распоряженіи есть гарнизонъ, состоящій изъ семидесяти человѣкъ пѣхотинцевъ и двадцати артиллеристовъ; обязанность ихъ, кажется, только и состоитъ въ томъ, чтобы стоять въ караулѣ, или на часахъ у губернаторскаго дома и у тюрьмы. На Гуамѣ складовъ каменнаго угли не нашли, хотя каменноугольныя залежи находятся, но въ необработанномъ видѣ, и потому намъ пришлось взять дрова; доставка ихъ равно и провизіи была очень затруднительна вслѣдствіе дальности разстоянія и мелководья. Въ воскресенье отправились на охоту за голубями; мальчишки были нашими проводниками; они насъ провели на маисовыя поля, гдѣ дѣйствительно было очень много голубей, но вслѣдствіе сильной жары и трудности находить въ густой травѣ убитыхъ, мы вернулись съ небольшимъ полемъ. За оленями надо было идти съ разсвѣтомъ довольно далеко въ горы и непремѣнно съ собаками. Хотя оленей на островѣ очень много, и охота очень заманчивая, но ею намъ не удалось воспользоваться, потому что она была сопряжена со многими неудобствами. Забравъ дрова и провизію, что нашли (а нашли очень мало), 11 октября снялись съ якоря подъ парусами и направились въ Нагасаки. Шли въ бейдевиндъ NO мусономъ. 27 октября сдѣлался штиль; мы развели пары подъ которыми прошли триста миль, но, не доходя девяноста миль, вѣтеръ засвѣжѣлъ до степени шторма; не имѣя достаточно угля, прекратили пары и держались подъ глухо-зарифленнымъ гротъ-марселемъ и

трiселями; 29 октября вѣтеръ стихъ и, къ общей радости, позволилъ добраться до нагасакскаго рейда, гдѣ и бросили якорь въ 4 часа утра. На рейдѣ стоялъ одинъ клиперъ «Изумрудъ», который пришелъ четырьмя днями раньше насъ. Вскорѣ привезли намъ письма и сообщили нѣкоторыя новости, въ томъ числѣ интересную, что скоро придетъ адмиралъ изъ Владивостока, такъ какъ придя къ мѣсту назначенiя, мы ждемъ его распоряженiй.

В. П.

Броненосное и современное судостроенiе.

Строящiяся суда

Въ Англiи.

Въ Портсмутѣ— желѣзный, обшитый деревомъ 20 п. фрегатъ *Blonde*, въ 4039 тоннъ.

Въ Чатамѣ—81 п. винтовый корабль *Bulwark* въ 3716 т.; 4 п. *Frolic* въ 462 т.; 4 п. двухвинтовая лодка *Kestrel* въ 402 т.; 22 п. желѣзный обшитый деревомъ фрегатъ *Raleigh* въ 3210 т.; 4 п. двухвинтовыялодки *Ready* и *Rifleman* въ 462 т.; 4 п. канонерская лодка *Ariel* въ 292 т.; 1 п. двухвинтовыя лодки *Bagder* и *Fidget* и 4 п. *Zephyr* въ 295 т. каждая.

Въ Ширнессѣ—14 п. винт. корветъ *Encounter* въ 1405 т.

Въ Пемброкѣ—башенный броненосецъ *Fury* въ 5030 т. и 4. п. канонерскiя лодки *Cunsawk* и *Swinger* въ 495 т.

Въ Девонпортѣ—81 п. винтовый корабль *Robuste* въ 3716 т.

Въ Портъ-Гриничѣ—четыре желѣзныя однопушечныя двухвинтовыя канонерскiя лодки *Buldog*, *Pickel*, *Pique* и *Snake* въ 245 т. каждая.

Въ Истъ-Гриничѣ, желѣзная плавучая батарея *Elizabeth*, въ 257 т.

Въ Австрiи.

Въ Трiестѣ—8 п. броненосный фрегатъ *Custozza* въ 1000 силъ; 8 п. бронен. фрегатъ *Erz-Herzog Albert* въ 800 с.;